

Другая жизнь оборотня

Автор:

Дарья Донцова

Другая жизнь оборотня

Дарья Аркадьевна Донцова

Иронический детектив (Эксмо) Любительница частного сыска Даша Васильева
#52

В таком глупом, да что там – просто дурацком положении Даша Васильева еще никогда не оказывалась. Ее пригласили в дом недавно почившего известного врача Виктора Марковича Шкодина на чтение завещания. По условиям последней воли покойного она должна выбрать себе дорогой подарок за некогда сделанное для него доброе дело. Однако парадокс заключается в том, что Дарья совершенно уверена: ее жизненный путь никогда не пересекался с ныне покойным профессором. А кроме Даши в имении собрались еще несколько человек, которые тоже, судя по тексту последней воли усопшего, сделали ему что-то хорошее. Правда, и они об этом, как говорится, ни сном ни духом, зато подарочек выбрать очень хотят. Но что за призраки бродят по дому? Чего так боится верная кухарка Шкодиных? И почему в синей комнате постоянно умирает кто-то из гостей?..

Дарья Донцова

Другая жизнь оборотня

© Донцова Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

– Очень легко любить сто тысяч людей и очень трудно любить одного человека...

Вслед за этой фразой раздался звон, я вздрогнула, обернулась и увидела на полу небольшую кучку осколков.

– Ой, ой, какая обида! – запричитала полная брюнетка, которая только что говорила про любовь. – Вещица мне так понравилась, прямо душа к ней потянулась, хотела ее взять, а Луиза разбила такую красоту.

– Вы желали получить эту вазочку? – уточнил молодой мужчина в строгом темном костюме и белой рубашке. – М-да, вот незадача... Нельзя же вручить вам черепки.

– Сама не понимаю, как это вышло, – начала каяться уронившая вазу стройная блондинка, чей возраст с первого взгляда определить было невозможно.

Я вздохнула. Да и при более внимательном рассмотрении нельзя понять, сколько лет Луизе, госпожа Шкодина выглядит максимум на сорок пять. Но учитывая, что они с Виктором состояли в браке более тридцати лет... Вздохнув, я посмотрела в висевшее на стене между двумя шкафами зеркало. Некоторые женщины ухитряются оставаться красавицами в любое время суток, независимо от обстоятельств. Чего никак не скажешь обо мне. Сейчас восемь утра, и на моей голове прическа, похожая на стог сена, глаза смахивают на щелки, на лице нет ни пудры, ни тонального крема. В общем, Дашутка а-ля натурель в собственном соку. А теперь взглянем на Луизу, хозяйку этого дома, – безупречная укладка, легкий макияж, идеальный маникюр, одета в красивое платье, на ногах шпильки на высоком каблуке. У меня возникает мысль: либо госпожа Шкодина вскакивает в шесть утра и, забыв позавтракать, начинает прихорашиваться, либо она спит стоя, чтобы не помять роскошные локоны.

– Ой, ой! – продолжала тем временем убиваться толстушка. – Ну как же теперь быть!

– Виктория Ивановна, дом большой, вы сразу не определяйтесь, – принялся утешать ее молодой мужчина в темном костюме, – осмотрите все, а потом принимайте решение.

– Но я хотела взять вазочку, – уперлась брюнетка, – с порога ее увидела и влюбилась.

– Простите меня, – сказала Луиза, – ей-богу, не нарочно ее задела. Не печальтесь, определенно найдете для себя нечто более привлекательное.

– Но я хотела, – капризно твердила толстушка, – я хотела...

– Не блажи, – остановил ее крепкий мужчина в джинсах и пуловере, – хватит причитать.

– Вот-вот, потому я и сказала, что очень легко любить сто тысяч людей и очень трудно любить одного человека. Сергей всех вокруг обожает: и коллег, и друзей, и прохожих на улице. А вот свою жену ему любить трудно. Вечно он меня...

Супруг толстушки рявкнул:

– Прекрати базар! Ты не поняла? Можно взять любую вещь. Да, Юрий Петрович?

Молодой человек в темном кивнул:

– Вы правы, Сергей Леонидович.

– Странно, однако, – пробурчал стоявший невдалеке курчавый блондин. – Ваза, по которой убивается Виктория, копеечная...

– Не совсем так, Анатолий Григорьевич, – мягко возразила ему Луиза. – Не подумайте, что я хвастаюсь, но в нашем доме нет копеечных, как вы сказали, предметов. Муж знал толк и в картинах, и в мебели, и в посуде. Фарфоровое изделие, которое я на ваших глазах превратила в прах, было произведено в начале шестнадцатого века на фабрике в Мейсене. Даже боюсь предположить, сколько за эту вазочку можно было выручить на аукционе.

К моему уху наклонился Феликс и шепнул:

- Неправда.

- Это не Мейсен? – так же тихо спросила я у мужа.

- Я плохо разбираюсь в этом, но помню, что фарфоровое производство в Мейсене возникло в тысяча семьсот десятом году. То есть не шестнадцатый, а восемнадцатый век, – уточнил мой профессор.

- В этом особняке столько всего. Хозяйка может и перепутать, – защитила я Луизу. – Наше Ложкино в разы меньше, и дом не забит картинами-статуэтками-посудой, но вот ты можешь сказать, что хранится в маленькой кладовой на первом этаже?

- А там есть чулан? – удивился супруг.

- Да, – вздохнула я, – причем довольно большой. Но убей меня бог, я и сама не назвала бы сейчас хранящиеся в нем предметы. А тут посмотри – места свободного нет. Конечно, Луиза перепутала...

- Все равно странно, – продолжал недоумевать Анатолий Григорьевич. – Пусть ваза дорогущая, хотя я такие на рынке за сто рублей видел. Но вон та картина над буфетом, это же Рембрандт. Значит, можно и его взять?

Не отвечая на вопрос, Луиза обратилась к мужчине в строгом костюме:

- Юрий Петрович, объясните еще раз гостям условия. А вы, пожалуйста, внимательно выслушайте нашего адвоката, господина Горюнова.

Адвокат оглядел присутствующих и заговорил на манер оратора, привыкшего выступать перед большой аудиторией.

- Уважаемые господа! Вы находитесь в доме Виктора Марковича Шкодина, известного врача, акушера-гинеколога. Будучи в преклонном возрасте, он недавно покинул нас, своих друзей и родственников, и ушел в мир иной. Виктор Маркович был потрясающим специалистом, тысячи женщин, став счастливыми

матерями, молились за его здоровье и долголетие. Добрый Господь услышал их слова, поэтому господин Шкодин до конца дней был физически бодрым человеком, он ничем не болел, продолжал работать.

- И чего тогда на тот свет отъехал? - бесцеремонно перебил оратора Анатолий.

Адвокат горестно вздохнул:

- Увы, Виктора Марковича свалил обычный грипп. У него резко поднялась температура, подскочила до сорока, и врач сам себе поставил диагноз, велел купить противовирусный препарат. Начал принимать его, но температура не упала. Луиза никогда не спорила с супругом, или я просто об этом не знаю...

Вдова поправила нитку жемчуга, висевшую на шее, и пояснила:

- Я никогда не затеваю бесполезных разговоров. Лучше уступить, чем настаивать на своем.

- Вот бы у всех баб такая жизненная позиция была, - буркнул Сергей Леонидович. - А то некоторые как заведутся, так и остановиться не могут.

- Вот вам еще одна иллюстрация к моим словам про любовь. Про плитку вспомнил! - поджала губы Виктория Ивановна. - У нас большой дом с участком. На площадке, где машины стоят, и на подъездной аллее к главному входу лежал камень. Но он весь разбился, мы решили его заменить. Сережа хотел положить плитку светло-песочного цвета. Полная глупость! Гости приедут, бутылку вина уронят, хоп - пятно. Да и машины следы от колес оставят, их с такой плитки не отмыть. Поэтому у всего поселка серая, коричневая, бордовая плитка. Думаете, Сергей меня послушал? Нет, конечно. А вот вы, Луиза, как бы поступили?

Хозяйка особняка пожала плечами.

- Я редко гуляю по саду, и, честно говоря, мне все равно, какого цвета дорожки. Если мужу хочется светлые, почему нет? Не стоит спорить по пустякам, копыта следует ломать из-за принципиальных вопросов. И делать это надо редко, тогда сможешь продавить свое решение. Если же каждый день качать права, муж к жене не прислушается. Да, Юрий, мы с Виктором никогда не ругались, ни при

тебе, ни в твое отсутствие.

– Извини, Луиза, я глупо пошутил, – смутился адвокат, – хотел разрядить обстановку, а то словно в суде выступаю.

– Очень легко любить сто тысяч людей и очень трудно любить одного человека, – снова повторила Виктория Ивановна.

Госпожа Шкодина схватилась рукой за консоль, на которой стояли два подсвечника в виде русалок. Я заметила, что пальцы Луизы побелели, и испугалась – похоже, ей плохо, она еле-еле держится на ногах, чтобы не упасть, уцепилась за мебель. Вдова кажется спокойной, но, возможно, за ее светской улыбкой скрывается настоящее горе, которое она старательно прячет от посторонних.

Боясь, что Луиза вот-вот рухнет в обморок, я подошла к ней. Если вдруг у хозяйки дома подломятся ноги, подхватчу ее.

– Вскоре после кончины Виктора Марковича, согласно оставленному им распоряжению, было вскрыто завещание. Никаких сюрпризов члены семьи от него не ожидали, – продолжал Юрий Петрович. – Виктор с Луизой прожили много лет в любви и согласии, у них есть дочь Нина, зять Кирилл. От первого брака у Шкодина остался сын Антон. Сейчас он счастливо женат на Елене, у них семилетний сын Миша, гордость деда, юный музыкант и полиглот. К слову сказать, Валентина, мать Антона, скончалась, когда сын еще не ходил в школу. Потом Виктор женился на Луизе, и вскоре мальчик стал называть мачеху мамой.

– Я никогда не была ему мачехой, – поправила Юрия вдова.

– Это правда, – кивнул тот, – маленький Тоша сразу ощутил исходящую от тебя материнскую любовь и ласку. У Шкодиных прекрасная спаянная семья, члены которой любят, уважают и ценят друг друга. Я знаю, какие страсти подчас разгораются после вскрытия конверта с завещанием, некоторые люди теряют человеческий облик, узнав, что им не оставили ничего ценного. Но в случае со Шкодиными я не ждал интриг, знал, что с домом, счетами в банках, с движимым и недвижимым имуществом, с клиникой, которой владел Виктор Маркович, проблем не будет. Так и случилось, наследство было поделено между членами семьи. Но!

Горюнов сделал паузу. Затем продолжил:

– В завещании был весьма удививший меня пункт: Виктории Ивановне Кузнецовой, Анатолию Григорьевичу Плотникову, Дарье Ивановне Васильевой, Ларисе Яковлевне Феоктистовой, Вере Хватовой следует отдать какую-нибудь вещь. Каждому одну. Какую?

На этот вопрос ответила Луиза:

– Любую, по их выбору. Дорогие гости, можете спокойно ходить по нашему дому, рассматривать все, что хотите, и выбрать нечто на память о Викторе Марковиче.

– Подчеркиваю, все, что пожелаете, – подхватил юрист. – Признаюсь, меня, составлявшего завещание, это распоряжение заинтриговало. Я начал задавать Виктору Марковичу вопросы, но он не пожелал на них ответить. Берите, что вам понравится.

– И бриллиантовое ожерелье хозяйки можно взять? – совершенно серьезно спросила молчавшая до сих пор слегка расплывшаяся дама в туго обтягивающем фигуру ярко-красном трикотажном платье.

– Хороший вопрос, Лариса Яковлевна, – похвалил адвокат. – Кстати, а где ваш муж?

– Мы приехали вчера около полуночи, – затараторила гостья. – Меня утром в девять разбудила горничная и пригласила сюда. Мой муж, наверное, в душ пошел, он долго моется обычно. Не рассказывайте без него ничего. Мы всю дорогу гадали, о каком завещании идет речь.

– Семеро одного не ждут, – воскликнул Анатолий Григорьевич. – Если кто-то любит в ванной по часу сидеть, то семь футов ему под килем. А мы хотим узнать, что можно взять.

– Вам же объяснили – все, – одернула его Кузнецова.

Сергей Леонидович толкнул жену в бок.

– Молчи. Ты тут не главная.

– Виктория Ивановна права, – сказал адвокат.

– Вот видишь, – обрадовалась толстушка, – умные люди всегда со мной соглашаются.

– Но есть два ограничения, – продолжал Горюнов. – Особняк состоит из центральной части и флигелей, связанных с основным зданием галереями, где висят картины. Их трогать нельзя, они составляют коллекцию, которую Виктор Маркович собирал всю жизнь. Если позволите, я потом расскажу вам ее историю.

– Небось там бешено дорогие полотна, – пробормотал Плотников.

– Разные, – уклончиво ответил Юрий Петрович. – Можете любоваться ими, сколько хотите, но брать домой их нельзя.

– Вот так всегда, – надулась Виктория Ивановна, – что получше, вечно мимо носа пронесут.

– Не расстраивайтесь, – сказала Луиза, – в особняке море картин, если хотите живописную работу получить, то найдете по своему вкусу.

– Поняла теперь, почему не стоило сразу на дурацкую вазочку кидаться? – сказал глава семьи Кузнецовых. – Надо походить, повыбирать, подумать.

– С мазней все ясно, – перебил его Анатолий Григорьевич, – но Юрий Петрович сказал о двух ограничениях.

Вместо адвоката заговорила Луиза:

– Мы находимся в библиотеке, которая соединена с кабинетом моего покойного мужа. Здесь множество книг. Но вон в тот шкаф Виктор Маркович не разрешал никому заглядывать, запрещал даже горничным пыль смахивать с полок, сам орудовал метелкой.

- Библиографические редкости? - предположила Лариса Феоктистова. - Первые прижизненные издания Шекспира? Старопечатные тома? Манускрипты?

- Да уж, самое ценное не трогай, - опять надулась Виктория Ивановна.

- Нет, на полках отсутствуют раритеты, - успокоила Кузнецову Луиза. - Обычные книги, просто очень любимые Виктором Марковичем.

- Шкаф красивый, - отметила Лариса Яковлевна. - Мебель брать можно?

- Все, что угодно, в количестве одного экземпляра в руки, кроме картин из коллекции в галереях да книг из личного собрания Шкодина, - терпеливо повторил Горюнов.

Из коридора слышались звонкие удары колокола.

- Завтрак подан, - обрадовалась Луиза. - Прошу вас, господа, пройдемте в столовую.

Глава 2

- Ни фиги себе интерьерчик! - не сдержал эмоций Анатолий Плотников, когда мы толпой вошли в просторную комнату.

- Дорого, богато, - ехидно заметила Лариса Феоктистова.

- Красиво! - восхитилась Виктория Кузнецова. - А если вдруг занавески понравятся или люстра, ковер, стулья... Тогда как?

Я огляделась по сторонам. Три стены столовой были затянуты голубым шелком, на них висело множество картин в роскошных бронзовых рамах. А вместо четвертой стены было огромное, от потолка до пола окно, с бархатной портьерой глубокого синего цвета. Мебель впечатляла позолотой, резным декором, представляющим античные сцены, золотыми витыми ножками,

перламутровыми медальонами, а громадная хрустальная люстра напоминала многоярусный торт на купеческой свадьбе. Единственной вещью, на которой не было ни украшений, ни позолоты, ни всего того, что моя бабушка называла «красота разбушевалась», оказался простой ковер цвета кофе с молоком.

– Да пожалуйста, – спокойно ответила Луиза.

– Юра, ты понятно объяснил? – прошептала хорошенькая блондинка в больших очках, стоявшая у буфета. – Им можно брать что хотят, кроме папиного собрания картин и книг.

– Да, Ниночка, – улыбнулся адвокат, – все изложил. Знакомьтесь, господа, Нина и Кирилл, дочь и зять хозяйки дома. А слева Антон с Леной, ее сын и невестка.

– Еще здесь Миша, – добавила Елена и погладила сидевшего около нее мальчика по голове. – А вы, значит, друзья Виктора Марковича, о которых никто никогда ранее не слышал? Тени из прошлой жизни?

Произнося последнюю фразу, молодая женщина повернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

Я смутилась.

– Думаю, со мной произошла ошибка: я не была знакома с Виктором Марковичем. Приношу соболезнования членам семьи покойного, но жизнь нас с доктором не сводила. Женщин по имени Дарья с отчеством Ивановна и фамилией Васильева много. Меня явно с кем-то перепутали.

– У вас есть дети? – спросила Нина.

– Двое, Аркадий и Мария, – ответила я. – Оба взрослые. Сын за границей живет. Маша вместе со мной, она сейчас открывает ветлечебницу.

– Возможно, папа принимал у вас роды, а вы забыли, как звали врача, – предположила дочь Виктора Марковича.

- Нет, - улыбнулась я. - Не хочу в подробностях излагать свою биографию, просто скажу: сын и дочка родились у других женщин, а я их воспитывала.

- Очень благородно, - пробасил Кирилл.

- Рассаживайтесь, господа, - засуетилась Елена. - У нас без церемоний, сами угощайтесь. Чай и кофе в чайниках. Под крышкой омлет, в серебряной кастрюльке геркулесовая каша на воде без сахара.

- Вот гадость, - поморщилась Лариса Феоктистова, опускаясь на стул.

- Зато полезно, - улыбнулся мой муж. - Дашутка, тебе овсянки?

- С удовольствием, - кивнула я.

- Интересно посмотреть на человека, который будет с удовольствием лопать несъедобное, - скривилась Виктория Кузнецова. - А я наверну белого хлебушка с маслом, сыром и колбаской.

- Вот поэтому ты вешишь центнер, а Дарья меньше тебя вполтину, - ехидно заметил супруг толстушки.

Глаза Виктории Ивановны наполнились слезами. Мне стало жаль тетку, которая, наверное, уже не раз слышала от доброго муженька комплименты в кавычках по поводу своей фигуры, я решила приободрить ее, поэтому быстро соврала:

- Ем, как Гаргантюа, просто у меня кости тонкие. А у вас фигура на зависть многим. Женщина должна быть...

Я умолкла. Подходящий эпитет, как назло, не приходил на ум. Женщина должна быть... какой? Толстой, объемной, жирной, грузной, круглой, пухлой, упитанной, гладкой, откормленной, дородной, солидной, тучной, массивной, плотной, пузатой, полновесной... Вон сколько слов я придумала, но ни одно из них не обрадовало бы Кузнецову.

- Корпулентной, - подсказал Феликс, - с формами. Вспомним картины великих художников, на них всегда изображены роскошные дамы.

Я облегченно выдохнула, с благодарностью посмотрев на мужа.

- Ой! Кошка на столе! - ахнула Лариса Феоктистова. - Кыш!

Кот, лежащий возле чайников, даже ухом не повел.

- Это Сан Саныч, - пояснила Луиза, - он член семьи.

- Вы разрешаете коту валяться среди еды? - поразилась Феоктистова.

- Он член семьи, - повторил Антон.

- Вернулся, - обрадованно сказала Нина.

- Ваш кот убегает? - спросила я. - Наши предпочитают из дома не высовываться, для них смена обстановки стресс. Дочь несколько лет жила в Париже, у нас там дом, и взяла с собой домашних питомцев. Собаки быстро приновились, а киски нет, только где-то через год согласились впервые нос в садик высунуть. А когда вернулись в Ложкино, снова засели в доме, забыв, что это их, так сказать, родина.

Лена пододвинула ко мне тарелочку с сыром.

- Попробуйте, очень вкусный. Значит, у вас много животных?

- Да, большая стая, - засмеялся Феликс. - Один раз Даша полетела во Францию со всеми четверолапыми и с вороном Гектором до кучи, подошла в аэропорту «Шарль де Голль» на паспортный контроль, вывалила перед сотрудником груды ветеринарных свидетельств, справки о прививках, парень увидел собачищу Афину...

- Она размером с пони, - объяснила я. - Ворон - не путайте с вороной - сидел у нее на макушке, в руках у меня была перевозка с кошками, а мопс Хуч и пуделиха Черри шли сами. Пограничник сел и с восторгом спросил: «О, мадам, вы владелица цирка?»

Елена, Луиза и Нина рассмеялись.

- Вы наш человек, - улыбнулся Антон. - Сан Саныч тоже раньше никуда не пропадал, хотя в парк выходил. Но полгода назад стал исчезать. Уйдет на день, максимум на два, потом опять здесь.

- И где он шляется? - задумчиво протянул Кирилл.

- Кошку ищет, - с видом знатока заявил Сергей Кузнецов.

- Сан Саныч стерилизован, - возразил Юрий.

- Очень красивый кот, - отметил Феликс, - черный до синевы. Говорят, такие приносят счастье.

- Папе он не помог, - грустно пробормотала Нина. - Очень это глупо - умереть от гриппа...

- Ну ему было много лет, он пожил от души, всем бы так, - сказала Лариса Феоктистова. - Некоторые в пятьдесят умирают.

- Да, отец ушел от нас глубоко пожилым человеком, - согласился Антон, - но сей факт никак не умаляет нашего горя.

- Конечно, - согласилась Лариса Яковлевна, - вы лишились кормильца, с деньгами хуже станет. Хотя у вас полно дорогих вещей, продадите картину и будете сыты. Вот мне наследства ни от родителей, ни от свекра со свекровью не досталось - нищие они были, пенсии копеечные. Мы с Матвеем прямо измучились, все заработки на стариков уходили. А у вас, похоже, материальных проблем нет. Когда есть деньги, стариков любить легче. И ухаживать за ними проще, можно сиделку нанять. Посадит она вредного деда в кресло, покатит его на прогулку, а ты спокойно у телика лежишь. Ну что вы так на меня смотрите? Я всегда говорю правду. Или лучше лукавить? Прикидываться, что скорбишь о вздорном старике, который много лет небо коптил и никому из родни жить не давал? Вы же не ждете, что я, совершенно посторонний человек, над могилой вашего родственника слезы лить стану? Он мне никто.

Феликс уронил вилку. Мальчик Миша быстро поднял ее и протянул Маневину.

- Спасибо, дружок, - поблагодарил тот.

- Дорогой, не надо подавать гостю то, что упало на пол, - упрекнула сына Лена, - сделай одолжение, достань из буфета чистую вилку и принеси.

- Сегодня прекрасно сварены яйца, - зашебетала Нина.

- Да, да, - тут же подхватил Кирилл, - редко такие вкусные получаются.

- Желток и белок очень нежные, - вступил в разговор Антон. - А вам, Даша, нравятся?

Я, до сих пор евшая исключительно овсянку, кивнула.

- Совершенно согласна с вами, яйца восхитительны. Они фермерские?

- Конечно, - тоже энергично закивала Луиза, - мы берем их у молочницы, что в деревне живет и курочек держит. Очень аккуратная ответственная женщина, знаем ее много-много лет.

Лариса Яковлевна вскинула подбородок и бесцеремонно показала на меня пальцем.

- И врать, как она, я никогда не буду. Это грешно. Научись люди всегда говорить только правду, на земле бы давно воцарился рай. Вам не понравились мои слова о вздорных стариках? Поэтому вы с упоением нахваливаете не очень крупные и свежие яйца, у которых белок из-за того, что их в кипятке передержали, стал на резину похож? Да?

Феоктистова уставилась на Мишу, который, подав Феликсу чистую вилку, именно в эту секунду снова сел за стол. Мальчик испуганно ответил:

- Не знаю. Никогда резину не ел.

Антон засмеялся, а Нина отрезала:

– У каждого своя правда. У вас одна, у нас другая.

– Правда это правда, – кинулась в бой гостья, – а все, что не истина, является ложью.

– Если я скажу: «У нас утро», это безусловно будет истиной, – произнес Феликс, – но у жителей Америки сейчас ночь. Вероятно, ваш отец имел сложный характер, вам было трудно за ним ухаживать, и кончина его явилась для вас облегчением. Это ваша правда. А у Шкодиных другое положение вещей. Они любили Виктора Марковича и, заботясь о нем, испытывали радость.

Лариса Яковлевна расхохоталась:

– Вот вам пример махрового лицемерия. Никто не может радоваться, тратя деньги на поддержание жизни в противном старике. И нечего тут спорить!

Нина покраснела, а я сказала:

– Луиза, объясните, пожалуйста, почему Виктор Маркович решил подарить мне что-то на память о себе?

Глава 3

Хозяйка дома отложила вилку.

– Как раз сейчас я собиралась это сделать. Юрий Петрович, вам не трудно прочитать письмо?

Юрист вынул из кармана пиджака телефон.

– Господин Шкодин оставил пояснение к завещанию. Слушайте внимательно. «Уважаемые Виктория Ивановна, Дарья, Лариса Феоктистова, Вера и Анатолий! В

разное время вы сделали для меня нечто очень важное. И, наверное, думаете, что я забыл обо всем. Но я помню и поэтому хочу, чтобы у вас на память обо мне осталась какая-нибудь вещь. Если вы сейчас читаете это письмо, значит, я умер, а вас вместе с мужем или женой пригласили провести неделю в моем доме. Вы здесь – дорогие гости, которым можно все. Семи дней вам хватит, чтобы изучить предметы, имеющиеся в особняке, и выбрать один, который вы захотите унести с собой. Только один. Но любой. Исключение составляют личные вещи Луизы и членов семьи, картины, висящие в галереях, и книги в резном шкафу в библиотеке. Все остальное в вашем распоряжении. Если вы забыли, что хорошего сделали мне, то напому даты, когда это произошло. Все случилось в тысяча девятьсот девяносто девятом году. Виктория Кузнецова, тогда Бабенко, – четырнадцатое октября; Анатолий Плотников – пятнадцатое октября; Вера Хватова – девятнадцатое октября; Лариса Володина, теперь Феоктистова, – двадцать третье октября; Дарья Васильева – шестое сентября. А теперь небольшое условие. Вещь вы сможете забрать только после того, как расскажете присутствующим в доме, как помогли мне. Если кто-то не сможет этого сделать, то все уедут с пустыми руками».

Юрий Петрович положил трубку на стол.

– Но это нечестно! – подпрыгнула Лариса Феоктистова. – По какой причине я должна лишаться чего-то из-за плохой памяти Анатолия?

– Поосторожнее, дамочка! – разозлился блондин. – Нечего меня в качестве примера склеротика приводить. Сама-то помнишь, что во времена динозавров делала?

– А ты? – прищурилась Феоктистова. – Пятнадцатое октября девяносто девятого у тебя в мозгу отложилось?

– Если напрягусь, то вспомню, – буркнул Плотников.

Лариса бесцеремонно показала пальцем на Анатолия.

– А если он соврет? И остальные тоже? Возьмут и придумают историю? Как проверить, правду человек говорит или лжет?

– Бросить его в бассейн, – пробормотал Кирилл.

– Зачем? – не поняла я.

Феликс поставил на блюдечко пустую чашку.

– В Средние века женщину, подозреваемую в колдовстве, кидали в воду. Если она тонула, значит, не была чернокнижницей. А вот коли гребла к берегу, тогда точно колдунья. Еще ведьм взвешивали, и все, кто тянул менее чем на пятьдесят кило, считались помощницами дьявола.

– Похоже, у меня в те времена не было шансов выжить, – усмехнулась я, – и плаваю хорошо, и вес маленький.

– Успокойтесь, топить никого мы не станем, – с серьезным видом заявил адвокат. – Виктор Маркович оставил еще одно письмо. Оно запечатано, конверт вскроем в день отъезда гостей. Я знаю, что Шкодин рассказал там о тех добрых делах, которые вы ему сделали. Вот и проверим, кто действительно вспомнит о встрече с Виктором Марковичем, а кто нет. И еще одно: выбирать подарки нужно самому, не обращая внимания на советы других людей.

– Моему мужу такое условие не понравится! – заявила вдруг Лариса.

– Извините, госпожа Феоктистова, но его имени в завещании нет, указано только ваше, – уточнил Юрий Петрович. – Последняя воля Виктора Марковича выражена ясно: родственники, так сказать, главных героев приглашены для отдыха, права голоса при выборе предметов они не имеют. Тот, кто нарушит это условие, начнет давить на мужа-жену, немедленно покинет особняк.

Виктория, усмехнувшись, повернулась к супругу.

– Понял? Тебе сейчас под зад коленкой дадут.

– За что? – изумился Сергей Леонидович.

– Ты еще спрашиваешь! – разозлилась Кузнецова. – Кто на меня насел, когда мне вазочка понравилась? Юрий Петрович, пусть он сматывается.

– Не знал о том, что нельзя собственной жене запретить глупость делать, – начал оправдываться Сергей.

– Виктор Маркович поступил опрометчиво, – поморщилась Феоктистова. – При всех Серега молчать будет, а как только в спальне с Викой останется, мигом начнет ей плешь проедать. Или в комнатах установлено видеонаблюдение?

– Я тебе не Серега! – вскипел Кузнецов. – Обращайся ко мне «Сергей Леонидович», а жену мою зовут Виктория Ивановна. Усекла?

– За гостями подсматривать мы не собираемся, – отрезала Нина.

– Господин Шкодин был на редкость разумным человеком, – продолжал Юрий Петрович. – Конечно, он понимал, что муж и жена одна сатана, второй член пары в тиши спальни будет раздавать указания, и помешать этому невозможно. Посему в его пояснении значится: прилюдно советчикам надо молчать. Что же касемо господина Кузнецова, то Сергей Леонидович на самом деле понятия не имел об условиях получения подарка. Я их только что озвучил, ранее вам просто сказали: выбирайте что хотите. Поэтому супруг Виктории Ивановны останется с нами.

– Если кого-то выгонят за нарушение озвученных условий, его вещь может другой человек взять? – уточнил Анатолий.

– Нет, – отрезал адвокат.

– Четырнадцатое октября... – протянула Виктория и посмотрела на мужа.

Тот демонстративно отвернулся.

– Хоть дырки в нем глазами продырявь, сказать он ничего не может, – расхохоталась Лариса. – Не расстраивайся, потом в спальне подсказку даст.

– Нет, – огрызнулся Сергей Леонидович, – мне нечего подсказывать. Мы с Викой тогда еще не познакомились.

Кузнецова прикрыла глаза и стала вспоминать:

– Я учусь в техникуме... Осень, значит, я хожу на занятия... Живу с мамой, папа уже умер... Нет, невозможно в деталях восстановить день, который я прожила кучу лет назад!

– Лично я не помню, что неделю назад делала, – призналась Лариса Яковлевна.

Феликс потянулся к чайнику, обронив как бы про себя:

– Пуговица...

– Что? – спросила Луиза.

Маневин начал осторожно наливать в чашку кофе.

– Есть такая притча. Один человек шел по улице и увидел, как нищенка потеряла пуговицу от пальто. Женщина выглядела больной, и прохожий сначала побрезговал подобрать пуговицу, но потом подумал: «Сейчас холодно, дует ветер, у старухи нет денег на покупку новой пуговицы, а в расстегнутом пальто легко простудиться». Он догнал бабку, отдал ей потерю и через пять минут забыл о своем поступке. Спустя много лет пришел его смертный час, душа отлетела к Господу, и ангелы стали взвешивать, что хорошего-плохого совершил новопреставленный. Душа посмотрела на чаши, куда все падало, и испугалась: грехов оказалось в разы больше, они перевесили количество добрых дел. Стало понятно: сейчас черти утащат добычу в ад. И вдруг один из ангелов положил на весы крохотную пуговицу. И все грехи вмиг растаяли, раскрылись сияющие врата рая. Душа человека заплакала: «Неужели эта крохотная пуговичка, о которой я давным-давно позабыла, спасла меня от вечных мук?» – «Да, – ответил ангел, – именно так. А произошло это потому, что ты сделал добро искренне, не ожидая за него награды».

– Я сейчас зарыдаю, – ехидно заявила Лариса. – Бога нет. Ангелов тоже. Попы церкви построили, чтобы у простого народа деньги отнимать. Гляньте на священников – у бедных старушек последние копейки забирают, а сами все жирные, мордатые, на дорогих машинах катаются.

– Дарья, какая у вас красивая брошь, – сказала Луиза, которая явно решила увести разговор в сторону от религии, – ярко-красное сердце из хрустальных

кристаллов. Прелесть просто!

– Муж подарил, – улыбнулась я. И, решив не оставаться в долгу, добавила: – А у вас необыкновенные серьги, я сразу обратила на них внимание. Удивительной формы, похоже, очень дорогие, наверное, сделаны на заказ.

– Муж мне подарил, – вздохнув, повторила мою фразу вдова. – Он часто баловал меня ювелиркой.

– Виктор Маркович отличался тонким вкусом и не жалел денег, – похвалила я покойного.

– Четырнадцатое октября... – снова задумчиво повторила «свою» дату Кузнецова. – Да уж, память у меня не как у Ленина. Это моя бабушка так всегда говорила: «Память не как у Ленина».

– Кто такой Ленин? – спросил Миша. – Актер?

– Нет, детка, политик, – объяснила Луиза. – Как-нибудь расскажу тебе о нем, но сначала подрасти немного.

– Ладно, – кивнул мальчик, затем вынул мобильный. – Привет... Ага... Суперски... Ща... Мама, можно я к Катюшке пойду?

– Девочку лучше называть Катенькой или Катюшей, – поправила сына Елена. – И ты знаешь, что во время еды надо выключать звук у телефона.

– Я так и сделал, – заспорил ребенок. – Вот, посмотри. Видишь, значок звонка перечеркнут...

– Мама имела в виду, что не стоит болтать с приятелями, когда завтракаешь, – уточнила Луиза.

– Не-ет, – возразил ей внук, – она не сказала, что надо отключить мобильный, а говорила про звук.

Юрий Петрович, намазывая тост маслом, выступил в роли третейского судьи:

- В данной ситуации прав Михаил. Елена нечетко сформулировала свой запрет, мальчик этим воспользовался. Молодец. Думаю, ему нужно после окончания школы идти на юридический, у Миши ум адвоката.

- Для начала его же надо научиться сорок пять минут спокойно за партой сидеть, - вздохнула мать Миши, - а то учительница жалуется, что он вертится так, словно из стула гвоздь торчит.

- Если Миша на уроке отвлекается, это вина не его, а педагога, который не может заинтересовать учеников, - встал на защиту мальчика Маневин.

- А почему Миша дома? - удивилась Нина. - Он заболел?

- Каникулы, - пояснила Луиза, - сегодня начались.

- В октябре? - удивилась я. - Помнится, моих детей отпускали после первой четверти где-то шестого ноября.

Луиза взяла кусок сыра.

- Сейчас все по-другому. У Миши в школе система пять один. Учишься пять недель, одну отдыхаешь.

- Можешь навестить Катю, - смилостивилась Елена.

- Ура! - завопил Миша и кинулся к двери.

- Стой! - скомандовала бабушка. - Немедленно вернись, сядь и сделай так, как положено воспитанному мальчику. И почему ты в кроссовках?

Ребенок посмотрел на свою синюю спортивную обувь, на носках которой переливалась и мерцала красная буква «М».

- Они новые и чистые!

- Уличные ботинки не носят дома, - отрезала Луиза. - А теперь покажи нам, как надо себя вести.

Миша плюхнулся на стул, потом поднял руку.

- Да, милый? - ласково спросила Елена. - Что ты хочешь?

- Дорогая мамочка, можно мне встать из-за стола и поехать к Катюше Рагозиной? - спросил сын.

- Хорошо, малыш. На велосипеде поедешь? - уточнила мать.

- Да, - кивнул Миша.

- Только по тротуару, не по проезжей части, - предупредила Луиза. - В нашем поселке безопасно, водители не гоняют, но все равно лучше ехать там, где гуляют пешеходы.

- Можешь отправляться, - разрешила Елена.

Миша пошел к двери, но снова был остановлен, на сей раз тетей.

- Дорогой, что ты забыл сказать?

- Приятного аппетита! - воскликнул мальчик.

- Отличное пожелание, - одобрила Нина, - но его обычно произносят, садясь за стол, а ты нас покидаешь. Ну?

- Большое спасибо. До свидания, - после короткой паузы вспомнил Миша и протянул руку к двери.

Она внезапно распахнулась, в столовую влетел потный мужчина с красным лицом. Вместе с ним вплыло удушливое облако аромата дорогого одеколona.

- Антон! - закричал незванный гость. - Я умираю! Сердце!

Миша бросился в коридор. Его дядя встал из-за стола.

– Степан Андреевич, все хорошо.

– Нет, плохо, – простонал незнакомец, – я ощущаю дыхание смерти. Все, она пришла...

Антон быстро подошел к незнакомцу и взял его под руку.

– Сейчас справимся.

Глава 4

– Ваш сын кардиолог? – спросила Лариса Феоктистова, когда двое мужчин покинули столовую. – Может, он мне чего-нибудь посоветует? А то сердце часто щемит. В районной поликлинике работают одни идиоты, да и записываться к ним за год надо. Пока очередь дойдет, сто раз загнешься. А на коммерческую клинику денег нет.

Нина ответила вместо матери:

– У Степана Андреевича по части кардиологии полный порядок. Антоша оказывает ему психологическую помощь.

– Выглядел мужик, если честно, хреново, – отметил Сергей Леонидович, – смахивал на вареного рака.

– Господин Богатов очень мнительный человек, – вздохнула Луиза, – его выбивает из равновесия любая мелочь.

– Психолог... – поморщилась Лариса. – Знаю, проходили. Обращалась я к одному. Занималась в группе. Денег стоило жуть сколько. А результата – ноль. Как у меня счастья не было, так и нет. Среди пациентов была одна тетка, так та прямо как наркоманка подседа на психолога, ничего без него сделать не могла, по

каждому поводу с ним советовалась. Нет, мозгокопатели людям не помогают, только свой кошелек набивают. За месяц я отдала сто пятьдесят тысяч рублей.

– Солидная сумма, – согласился Феликс, – думаю, можно найти специалиста подешевле.

– Сами за копейки лечитесь! – рявкнула Феоктистова.

Я усмехнулась. Наверное, у Ларисы проблемы с памятью: менее минуты назад она, якобы неимущая женщина, хотела получить от Антона бесплатный совет, жаловалась, что на коммерческую медицину у нее нет денег, а сейчас выясняется, что она посещала очень дорогого психолога.

В столовой возник мужчина в сюртуке.

– Извините, Луиза Ивановна, в синей гостевой потекла раковина. Можете взглянуть?

– Борис, с какой стати мама должна идти любоваться на протечку? – удивилась Нина. – Как только тебе эта глупость в голову пришла?

Но Луиза уже встала.

– Все в порядке, милая, мне действительно лучше взглянуть самой на стихийное бедствие.

– Пойду поищу Матвея, – засуетилась вдруг Лариса. – Куда он подевался? Сколько можно душ принимать? Когда я выходила из спальни, он уже собирался мыться.

Но Борис возразил:

– Вы лучше тут останьтесь. Ванная крохотная, все там не поместимся.

На лице Луизы появилось выражение изумления, но оно живо сменилось вежливой улыбкой.

– Лариса Яковлевна, попробуйте кекс. Я разберусь и вернусь, а потом вы отправитесь на поиски супруга.

– Эй, эй, доперло до меня, как до жирафа, – забеспокоилась Феоктистова. – В комнате, где нас поселили, ковер синий, занавески такие же. Труба в санузле там течет?

– Простите, да, – признался Борис. – Прошу извинения за причиненное неудобство.

Лариса вскочила.

– Плевать мне на ваши извинения! Где мой муж? Куда он подевался? В душе его нет, иначе бы вы Луизу туда не звали.

Хозяйка дома выскочила в коридор, Борис потопал за ней.

– Стойте! – взвизгнула Феоктистова. – Я с вами.

– Не стоит всем толкаться в маленьком помещении, – попытался помешать ей Кирилл, – там, наверное, грязно. Подождите, пока уберут.

– Я не барыня, как ваша мать, не боюсь жизненных трудностей, – бросила на ходу Лариса. И покинула столовую.

– Давайте разрежем этот кекс, – бодро предложила Лена. – Нинок, нож торжественно вручаю тебе, признанному мастеру разделки выпечки. Если за работу примусь я, то непременно превращу кексик в крошево.

– Зато ты чудесно играешь на фортепьяно, а мне на ухо медведь наступил, – слишком весело рассмеялась дочь Луизы. – Виктория Ивановна, дайте вашу тарелочку. Ванильный маффин большого размера – коронное блюдо нашей кухарки Зинаиды. Все, кто его пробует, умирают от восторга.

Я молча слушала, как Нина и Елена изо всех сил пытаются изобразить беззаботность. Молодые женщины сообразили, что в ванной синей гостевой произошла какая-то неприятность, и дело вовсе не в потекшей трубе. Луиза

тоже быстро смекнула: случилось нечто необычное. Потому она и поспешила туда по зову Бориса. Любая хозяйка, у которой в особняке полно прислуги, пришла бы в негодование, если б в разгар завтрака с гостями в столовую ворвался кто-то с сообщением о потопе. Борис должен был сам устранить течь, дожидаться, пока Луиза освободится, и доложить ей о проделанной работе. Но он прибежал за хозяйкой, значит... Что ж, теперь и мне очень захотелось узнать, что там произошло. Но как это сделать?

– Дашута, умоляю, принеси таблетки, которые врач велел мне пить перед тем, как есть сладкое, – неожиданно попросил Феликс. – Извини, что тебя утруждаю, но я сам не найду аптечку.

Я вскочила со словами:

– Конечно, милый, сию секунду.

И пошла к двери, еле сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Хорошо, когда муж понимает жену без слов. Маневин никогда не жаловался на желудок и к гастроэнтерологу не ходил. Феликс сообразил, что я сгораю от любопытства, и нашел предлог дать мне возможность покинуть столовую.

Очутившись в коридоре, я растерялась. Особняк огромный, его топография мне неизвестна. Где расположена интересующая меня комната? Я повернула налево и через пару шагов уткнулась в стену. Тупик. Значит, надо двигаться в другую сторону. Я живо сменила направление и вмиг домчалась до лестницы. Поскольку она вела только вверх, выбора не было. Я побежала по широким ступенькам, устланным дорожкой бежевого цвета. Стены тут украшали картины с изображением собак разных пород, а на площадке, которая разделяла пролеты, сидел фарфоровый лабрадор почти в натуральную величину.

Я мысленно рассмеялась. Виктор Маркович отвел своим гостям на осмотр особняка и выбор подарка неделю. Но, похоже, за семь дней бездну безделушек не осмотришь. Интересно, что я сделала хорошего шестого сентября девяносто девятого года? В отличие от остальных гостей я могу точно сказать, чем занималась в тот день. Да-да, не удивляйтесь. И не думайте, что у меня память, как у мстительного слона, дело в том, что...

– А-а-а! – завопил кто-то со второго этажа. – А-а-а-а!

Взлетев наверх, я увидела бегущую мне навстречу фигуру, кричащую что есть сил, и поймала ее в объятия.

- А-а-а! - продолжала визжать пойманная мною Феоктистова. - А-а-а!

Послышался топот, около меня очутилась Луиза.

- Дорогая Ларисочка, тише, - заговорила хозяйка дома, - успокойтесь, все в порядке. Это просто обморок.

Я тоже забубнила:

- Все хорошо. Что вас испугало?

- Врач уже едет, - сообщил подоспевший запыхавшийся Борис.

- Вот и отлично, - сказала вдова, - Герман Львович прекрасный специалист, он живо поставит вашего мужа на ноги. На улице жара, духота...

Я взглянула на Луизу - что за чушь она несет? На дворе октябрь, правда сухой и красивый, настоящее бабье лето, но температура выше семнадцати градусов не поднимается.

- Что происходит? - спросил бас.

Обернувшись, я увидела Степана Андреевича, на сей раз с нормальным цветом лица.

- Антон, - крикнула мать, - ты где?

- Здесь, - ответил сын и тоже появился в поле зрения. - Степан Андреевич, я же просил вас остаться в кабинете. Зачем вы ушли?

- Женщина визжала, - начал оправдываться Степан, - я подумал, что случилось несчастье.

- Мой муж... умер! - простонала Лариса.

- Нет, он жив, - быстро заверила ее Луиза, - просто сознание потерял от духоты.

Антон сделал большие глаза.

- Где?

- В синей спальне, - почти шепотом ответила мать.

Антон развернулся и ушел.

- В синей спальне? - попятился Степан Андреевич. - Это она... О, это ее работа... Ни за что там не лягу!

- Вы хотите у нас остаться? - поинтересовалась Луиза.

- Естественно, - кивнул Богатов. - Но не желаю спать в синей гостевой.

- Что стряслось? - спросил Юрий Петрович, который только что поднялся по лестнице. - Даша, отпустите Ларису.

Я разжала объятия.

- Олежек... - застонала Феоктистова и осела на пол. - Мне плохо...

- Что происходит? - спросил адвокат.

- Как дела в столовой? - нервно поинтересовалась Луиза.

- Мама, кто кричал? - осведомилась Нина, возникая в коридоре.

- Чем заняты люди внизу? - задала свой вопрос хозяйка дома.

- Едят кекс, - объяснила дочь, - все спокойно. Я услышала вопль, когда пошла в туалет. В столовой полнейший порядок.

- Здравствуйте, люди, добра всем, - разнеслось по коридору.

- Герман Львович, вы приехали! - обрадовалась Луиза. - У нас проблема.

- Любую беду можно разрулить, - оптимистично заявил доктор. - В чем суть вопроса?

- Один из наших гостей потерял сознание в ванной, - начала вводить врача в курс дела хозяйка. - Решил принять душ, включил воду, и тут ему, наверное, стало плохо. Олег лишился чувств, губка, которой он хотел воспользоваться, заткнула сливное отверстие...

- Мне с потолка на голову закапало, я на первом этаже в туалете находился, - перебил ее Борис. - Побежал вверх, кран в ванной закрутил, госпожу Шкодину под благовидным предлогом из столовой вызвал...

- Где больной? - поинтересовался эскулап.

- В синей спальне, - вздохнула вдова.

- Опять, - поморщился Герман Львович.

- Господи, только этого не хватало... - попятилась Нина. - Снова!

- Пока Антон энергетический баланс тут не почистит, я с места не двинусь, - объявил господин Богатов. - У вас заночую, но не в синей спальне. Роза туда астральную дрянь подселила.

У меня закружилась голова - я ничего не понимала.

Доктор повернулся и пошел по коридору, Луиза посеменила за ним.

– Юрий Петрович, займитесь Ларисой, – приказала Нина. И уже для меня защебетала: – Все будет хорошо, Герман Львович знающий врач, очень ответственный.

Адвокат взял Феоктистову под руку.

– Давайте покажу вам собрание раритетов из хрустала. При покупке каждая фигурка стоила около двадцати тысяч евро, сейчас цена возросла.

Лариса Феоктистова в секунду забыла о больном супруге.

– Можно одну такую взять?

– Мне надо срочно принять душ, – занервничал Степан Богатов. – Ощущаю липкость во всем теле – они точно рядом, прямо чую, как летят сюда астральные ведьмы.

Нина обняла его и потащила в левую часть коридора.

– Степан Андреевич, для вас – все что угодно, любой каприз исполню. Сейчас вы помоетесь, выпьете чайку...

– Сюда, дорогая, сюда, статуэтки чудо света, – «пел» адвокат, подталкивая Ларису вниз по ступенькам и, кажется, забыв, что говорил минуту назад. – Их Виктору Марковичу подарил невероятно известный пианист за благополучные роды своей жены. Хрустальные девушки на вид неказисты, никто из гостей их правильно не оценит, а вы будете знать, сколько они стоят...

Про меня все забыли, оставив в одиночестве. Некоторое время я не могла решить, что делать, потом пошла следом за доктором и Луизой. Очутилась у двустворчатых дверей, без приглашения открыла их и засунула нос в незнакомую просторную спальню.

Комната оказалась пустой, но я услышала доносящиеся из ванной голоса.

- Надо вызвать полицию, - произнес баритон.

- Герман, придумай что-нибудь! - воскликнула Луиза.

- Не могу, - сказал врач. - В случае внезапной подозрительной смерти необходимо известить представителей закона.

- Ясно же, что у него инфаркт. О какой подозрительной смерти ты говоришь?

- Лу, диагноз так не ставят.

- Герман, - всхлипнула владелица дома, - неужели ты забыл, сколько добра тебе Витя сделал?

- Конечно, помню.

- Кто тебя из истории с наездом выручил?

- Шкодин.

- Твой черед мне руку помощи протянуть.

- Лу, я благодарный человек. Но...

- Что?

- Существует утвержденный порядок действий. Я могу лишиться работы в случае нарушения инструкции.

- Если бы не Виктор Маркович, ты бы сейчас улицы подметал! - воскликнула Луиза.

- Наверяд ли, - возразил Герман.

- Надо же, как ты заговорил... Ты же знаешь, что будет, если полиция прикатит.
- Если у него инфаркт, тебе нечего опасаться.
- Ох, нас опять полоскать станут... Пожалуйста, давай решим все по-тихому, увези тело. Тебе же Витя помог.
- Ну сколько можно вспоминать одно доброе дело? Я не могу нарушать инструкцию.
- Убирайся!
- Дорогая, не нервничай.
- Пошел вон, подонок! Тебя из такого дерьма вытащили, а ты...
- Единственное, что я могу для тебя сделать, это посидеть тут часа два, подождать, пока гости разъедутся, и уж тогда сообщить куда следует. Дам тебе время прийти в себя, и круг тех, кто может проболтаться о проклятии синей комнаты, сократится. Я прекрасно к тебе отношусь и не хочу, чтобы у Антона опять начались неприятности.
- Немедленно исчезни из моего дома!
- Я благодарный человек, помню добро, что мне сделал Виктор. Луиза, не бросай в проверенного друга камни.
- Провались сквозь землю!
- Ну, ну, родная, я понимаю, что слишком много проблем свалилось на твои хрупкие плечи в последнее время. Поступим так. Я спущусь в столовую, отвлеку твоих гостей, дурака Степана, предложу всем прогуляться к озеру. Потом скажу, что у тебя разыгралась мигрень, провожу всех и вызову Серапионова.

Раздался звук шагов. Я метнулась к большому шкафу и влезла внутрь. Спустя короткое время послышался стук двери. Луиза зарыдала и стала причитать вслух:

– Герман подонок, мерзавец... Господи, за что? Почему ты меня так наказываешь? Витя, зачем ты ушел? Что за глупость придумал с завещанием? Мне ты никогда не говорил об этих людях. Дорогой, ответь! Вернись ко мне! Вернись!

Раздался цокот каблуков, я тихонько выдохнула. Так, Луиза уходит, я смогу выбраться из гардероба и покинуть помещение...

Раздался скрип, створки шкафа внезапно распахнулись, и я увидела красное, опухшее лицо хозяйки дома. Та, конечно, тоже меня заметила. Да и как можно не увидеть женщину, стоявшую внутри шкафа с пустыми вешалками? Спрятаться мне было решительно негде.

Луиза взвизгнула.

– Вы кто?

Я глупо заулыбалась.

– Здравсти. То есть простите, мы уже виделись... Не узнали меня? Я Даша Васильева, ваша гостья, упомянутая в завещании господина Шкодина.

– Вы слышали наш разговор с доктором, – прошептала Луиза.

– Да, – призналась я, – случайно.

Хозяйка дома провела ладонью по лицу.

– Значит, вы знаете, что случилось.

– Если я правильно поняла, Олег Феоктистов, муж Ларисы, внезапно скончался от инфаркта, – осторожно ответила я. – Герман Львович собрался сообщить о его кончине в полицию, а вы против.

Вдова прижала руки к груди.

- Пожалуйста, не говорите никому о происшествии.

- Не скажу, - пообещала я. - Но вы не сможете сохранить смерть Матвея в секрете. Ларису пока обманули, она полагает, что супруг в обмороке, но в ближайшее время она захочет посмотреть на мужа, и правда вылезет наружу. Врач на самом деле обязан предупредить представителей закона о подозрительной смерти.

- У него случился инфаркт! - топнула ногой Луиза. - Я сама врач и сразу поняла, что к чему.

- Вы кардиолог? - уточнила я.

- Акушер-гинеколог, - прозвучало в ответ. Затем вдова затараторила: - И что? Я училась в мединституте, обладаю всеми базовыми знаниями. Герман, мерзавец, помочь не хочет, а Витя его из дерьма вытащил. Дурак тогда работал в селе Фрулино, в пятнадцати километрах отсюда. Поликлиника там была - одно название, изба с тремя комнатами и два доктора. Зоя Филиппова да сам Герман. Зима на дворе стояла, холод, гололед. Под Новый год Зойка взяла отпуск и укатила к родственникам в Белоруссию, Леонов один остался. Буду честной: он не пьяница, никто его под забором никогда не видел, даже запаха алкоголя от него не исходило, он ведет здоровый образ жизни, по утрам бегаёт, на службу на велосипеде ездит, мяса не ест, не курит. Ужасный зануда! Наверное, потому он холост. А теперь представьте картину: первое января, девять утра, вся прислуга из нашего дома отпущена, в особняке только семья и десять близких друзей, все спят. Раздается звонок в дверь, я просыпаюсь, открываю и вижу Германа. Руки у него трясутся, губы белые. Стоит и шепчет: «Лу, я человека убил». И разит от него алкоголем на три метра. Я бегом к мужу, растолкала его, Витя вниз, давай Германа расспрашивать, что случилось. Тот рассказывает... Тридцать первого он в полночь выпил бокал шампанского - позволил себе в праздник расслабиться. Думал, все гуляют, никому врач не понадобится. Включил, кретин, телевизор, а там все счастливые, веселые, серпантин кидают, жрут, рассказывают о своих успехах. Звезды друг друга перебивают, хвастаются: один машину купил, другой квартиру, третий женился, четвертый отцом стал. И схватила Леонова зависть в свои когти: у всех дела в уходящем году просто отлично складывались, люди денег горы заработали, на будущие двенадцать месяцев планов громадье, а у него сплошной облом - живет в убогом доме, удобства на улице, зарплата меньше, чем лапы у таракана, никаких перспектив, ни жены, ни детей... Взял дурак бутылку водки и скушал всю.

– Вот бедняга, – пожалела я врача. – Ну зачем он поверил знаменитостям? Те никогда правды не расскажут, при самой плохой погоде со счастливой улыбкой на камеру о своей распрекрасной жизни вещают.

– А тут, как назло, звонок из деревни Пирогово, что неподалеку от поликлиники, где сильно поддавший Герман Львович у телевизора сидел. Срочно понадобился врач теще местного фермера, – продолжала рассказ Луиза. – И что делать? Сказать: «Пардоньте, я нажрался, не могу приехать»? Невозможно. Идиот намешал какой-то похмельный коктейль, ввел себе в вену, взбодрился, сел за руль и покатыл. Зима, гололед, темнота... В общем, на окраине села он сбил женщину. Когда понял, что кого-то крылом задел, хмель из него вмиг испарился. Вылез из колымаги, наклонился над бабой, думал, та жива, просто испугалась, ну, руку в самом худшем варианте сломала. Ан нет – увидел труп. И что же наш Гиппократ сделал? Запихнул мертвую женщину в свой драндулет и привез к нам.

Глава 6

Я ужаснулась.

– Дикий поступок. И как только это ему в голову взбрело.

Луиза села в кресло.

– Виктор и раньше несколько раз выручал Германа. Мой муж был очень сострадательным человеком. А уж сколько докторишка денег нам задолжал!

Шкодина стиснула кулаки.

– Попробуйте меня понять. И я, и Виктор Маркович медики. Успешные, всегда много зарабатывавшие. Ведь акушер-гинеколог никогда без куска хлеба не останется, ему в любом месте работа найдется. У нас всегда дом был полная чаша – дочь красавица, сын умница, материальный достаток, психологический комфорт. А у Леонова ничего... комнатенка съемная, ни жены, ни детей. Мы с супругом всегда в Москве работали в престижных больницах, потом свою

клинику открыли. Герман же в сельской местности бабушек-дедушек лечил, зарплата у него – кошкины слезы, перспектив на повышение ноль, дополнительных заработков нет. Местные благодарные пациенты своему врачу могут лукошко картошки принести или, что уж совсем апофеоз, – десяток яиц. Нам с Витей даже порой неудобно было за свое благополучие. Хотя кто виноват, что врач Леонов, окончив институт, не совершенствовался в профессии, не пытался найти прибыльное место?

Луиза начала загибать пальцы.

– Витя ему квартиру отдельную выбил, продукты регулярно отправлял, Герман у нас постоянно вечерами сидел. Когда в Хотьково построили крупный медцентр, а мелкие больницы вроде той, где он работал, закрыли, Виктор Маркович на нужные кнопки нажал, Леонова заведующим терапевтического отделения сделали. А диссертация его кандидатская? Витя ему ее за месяц написал. И знакомыми влиятельными гаденыш у нас в доме обзавелся. К мужу в гости чиновники из Минздрава ездили, профессура, знаменитости всякие, а Герман за столом сидел, в разговорах с великими на равных участвовал. Правда, иногда такую чушь нес! А нам-то неудобно было за свое счастье, мы-то себя не пойми почему виноватыми перед дураком чувствовали, то ему на день рождения машину подарим, то вообще изо всех сил бедненькому помогаем. И чем это обернулось? Как он сейчас со мной говорил, когда я его попросила полицию не вызывать? «Не имею права нарушать инструкцию»... Следовало мерзавцу так же сказать, когда он с мертвой бабой сюда примчался, на пороге плакал, умолял ему помочь. И ведь муж все уладил.

– Как? – удивилась я.

Луиза горько вздохнула.

– Не спрашивайте, рассказывать сил нет. Виктор Маркович близкого друга подключил, тот сделал так, что Герман оказался вовсе ни при чем. Знаете, как мне хочется про ту историю рассказать? Вот прямо сейчас спуститься в столовую и при всем честном народе ее выложить! Но сделать это я не могу. И не потому, что я интеллигентный человек, а потому что Герман, мерзота, меня, жену своего благодетеля, в клевете обвинит. Сделает глаза удивленные: «Я? Наехал на тетку? Ну-ка проверьте документы ГАИ, поднимите заявления о пропавших... Есть хоть какой-нибудь документ, подтверждающий слова Луизы?» А ведь и правда нет бумажек. Женщина та, судя по ее виду, бомжиха была из тех, что из

деревни в деревню ходят и побираются.

Луиза выдохнула и замолчала. Я попыталась ее успокоить.

- Это хорошо, что Герман Львович отказался вашу просьбу выполнить.

- Да ну? - скривилась Шкодина. - Почему же?

- По двум причинам, - ответила я. - Первая. Вы теперь знаете, что на Леонова рассчитывать нельзя, ради вдовы покойного благодетеля он не станет нарушать правила. Я не хочу обсуждать вопрос, нравственно ли обходить закон, покрывать того, кто наехал на бродягу. Но ваш муж ради Германа рискнул своей репутацией. Если бы правда о том наезде вылезла наружу, у Виктора Марковича могли бы возникнуть большие неприятности, но Шкодин не думал о себе. Герман Львович же отказался ради вас совершить нарушение. Хотя вы никого не убивали.

- Конечно, нет, - подтвердила хозяйка. - У Феоктистова был инфаркт.

- Вторая причина, - продолжала я. - Оказав вам сейчас услугу, Герман Львович мог бы начать вас шантажировать. Например, стал бы вам частенько говорить: «Я не сообщил в полицию о подозрительной смерти гостя, прикрыл тебя, ну-ка, в благодарность за это...» - и дальше перечень того, что вы сделать должны.

- Я не подумала об этом, - пробормотала Луиза, - а ведь вполне возможен такой поворот событий.

Я обрадовалась: Шкодина успокаивается и уже способна воспринимать здравую речь.

- Не надо бояться полиции, пусть кто-нибудь приедет. Сделают вскрытие, убедятся, что ваш гость ушел на тот свет вследствие инфаркта, и все.

Луиза встала.

- Вы правы. По логике вещей необходимо вызвать полицию, ко мне не будет претензий со стороны властей. Но у Антона опять возникнут неприятности. Мне

его очень жаль!

Хозяйка вынула из кармана телефон, постучала пальцем по экрану и отдала мне.

- Читайте. Думаю, одних названий статей хватит, чтобы понять суть проблемы.

Я взглянула на мелкие буковки. «Смерть в доме колдуна», «Таинственная гибель людей с амулетом Шкодина», «Комната-убийца», «Смертельная помощь Антона Шкодина».

- Что это?

- Сначала травлю моего сына начала местная пресса, потом подключились Интернет и СМИ. Я отлично понимаю, что кампанию против Тоши ведет Никита Робертович Серапионов, начальник местной полиции, - пустилась в объяснения Луиза. - Мы с вами находимся в синей гостевой. Это ее журналюги с легкой руки репортера, подписывающего свои «шедевры» именем «Александр Сергеевич Пушкин», называют «комнатой-убийцей».

Я опешила. Луиза потерла щеки ладонями.

- Попробую объяснить. Антон гомеопат, лечит людей травами. И поверьте, о лекарственных растениях он знает все и даже больше. Если хотите, покажу вам его кабинет с уникальными книгами. Тоша выучил латынь, старославянский, древнегреческий, чтобы читать старинные манускрипты. Он ездит по монастырям, у него есть доступ в тамошние библиотеки. Монахи испокон веков лечили людей травами, у них есть потрясающие рецепты. Возьмем подагру. Сколько страданий она людям приносит! Обычные врачи выписывают лекарства по особой схеме, и у человека через некоторое время после их приема возникают проблемы с печенью. А подагра-то не уходит, затаивается, регулярно когти в жертву вонзает. Антон же за полгода избавляет больного от мучений навсегда. Единственная неприятность: пожизненное соблюдение диеты. Ну тут уж вам выбирать: или не едите сыр рокфор, или не можете стоять, ходить, сидеть. Другой пример. Кое-кто из моих рожениц не нуждается в эпидуральном наркозе и не испытывает боли при схватках, потому что они за четыре месяца до появления на свет малыша начинают пить капли, приготовленные Антоном, вот и нет у них никаких неприятных ощущений. Лекарственные травы, ягоды, даже грибы сын выращивает сам, ничего не покупает. У нас за домом шеренга

оранжерей, теплиц. Тоша дружит с отцом Савватием, тот живет в обители, которая находится в глухом лесу, а Савватий знает, как что и когда собирать-сушить. Я-то, наивная, думала, что надо просто пойти в лесок, нарвать там ромашек и чай заварить. Но Антон мне объяснил, что важен даже час, когда растение срезаешь. Вот, скажем, борщевик...

- Он же ядовитый, - удивилась я, - так обожжет кожу, что не обрадуешься.

- В капле лекарство, в чашке яд, - улыбнулась Луиза. - Да, борщевик нельзя трогать голыми руками. И если вы сорвете его у дороги вблизи деревни, ничего хорошего не ждите. А растение это удивительное. С его помощью можно бесследно убрать рубцы на коже. Но! Срезать стебель нужно с пяти до шести утра. А вот корень его, который тоже помогает при разных болезнях, выкапывают в полночь.

- Почему? - удивилась я.

- Потому что в это время он набирает наибольшее количество лекарственной энергии, - объяснила Луиза.

- Я думала, что Антон Викторович психоаналитик, во время завтрака Нина сказала, будто он оказывает Степану Андреевичу психологическую помощь.

- Да, именно так, - кивнула моя собеседница, - Тоша снимает сглаз, порчу, отгоняет негативную ауру.

Я втянула голову в плечи. Ну вот... А ведь до сих пор все нормально было: Антон Шкодин знающий гомеопат, опытный врач, и вдруг - чистка кармы и тому подобное.

Луиза не заметила, что у меня резко изменилось настроение.

- Больных сын принимает в нашем медцентре. И до того момента, как Дуська Фигова устроила в Интернете Тоше антипиар, запись к нему была на три месяца вперед. Народ его кабинет штурмовал! Сейчас клиентов стало намного меньше. Если поганая журналистка услышит про очередную смерть...

Луиза замолчала.

– Очередную смерть? – повторила я. – В доме еще кто-то умер?

Шкодина села в кресло и закинула ногу на ногу.

– У сына узкий круг пациентов, отношения с которыми... ну... Нет-нет, я не хочу сказать приятельские, ведь первое правило врача: никогда не дружи с больным, иначе ты его нормально лечить не сможешь. У Антона есть... скажем так, постоянные пациенты, которые посещают его в течение многих лет раз в месяц. У большинства объективно плохое здоровье, люди живут за счет микстур и таблеток сына. Но кое у кого непорядок в голове. Например, у Степана Андреевича. Свихнулся Богатов на почве денег, коих у него немерено. А вот жены у Богатова нет. Каждый раз, приехав к нам и избавившись от очередной истерики, Степан начинает ныть: «Хочу жениться, а не получается».

– Обычно вокруг обеспеченных мужчин невесты роятся тучами, – удивилась я.

– Рядом со Степаном тоже полно бабенок разного возраста, – усмехнулась Луиза. – И он периодически находит себе подходящую невесту. Но что выясняется через короткое время? Потенциальная супруга – колдунья. Или у нее мать-бабка-сестра ведьма. Богатова сживают со свету, делают ему обряды на смерть, насылают порчу, хотят, чтобы олигарх сыграл в ящик, а пассия получила бы все его деньги, фабрики, заводы, мануфактуры, пароходы.

– С одной стороны, это смешно, с другой, жалко его, – заметила я.

– Поняв, что на жизненном пути в очередной раз попалась пособница сатаны, Степан в истерике мчится сюда, – продолжала Луиза. – Обычно он селится в синей комнате, где мы сейчас находимся. Гостевая отведена для пациентов Антона. У некоторых из них, вроде Богатова, проблемы с головой. Но есть, например, женщина, которой назначен двухсуточный курс капельниц. В таких случаях мы госпитализируем пациентов в наш медцентр, однако Наташа, одна из первых больных сына, много лет к нему ходит, для нее у нас созданы особые условия. Большого скопления народа в нашем особняке не бывает. Если и прикатят приятели, то вечером назад в Москву возвращаются. И спален для гостей всего четыре, по большей части они пустуют. Синяя гостевая пятая, она предназначена для больных, которым разрешено пребывать в особняке. Но

сейчас в доме четверо тех, кого Виктор Маркович упомянул в завещании, поэтому синяя спальня занята. Но даже если бы она было свободна, Степан бы там не поселился.

- Пойдите... нас четверо, - пробормотала я, - апартаментов для гостей столько же. Почему Феоктистовы оказались в спальне, предназначенной для пациентов? И отчего Богатов не любит эту комнату?

- Вы, наверное, не обратили внимания на то, что в завещании мужа указано пять человек, - пояснила хозяйка, - но Вера Хватова вчера не приехала. Хотя она собиралась к нам, даже сообщила номер своей машины, чтобы охрана ее в поселок пустила. Я для нее приготовила угловую комнату, небольшую, ведь Хватова одна, ей было бы там удобно. Остальные-то гости приехали парами. Что же касается Степана... Ну... понимаете... У нас весной-летом случились очень неприятные истории. Пошел сильный дождь, лило несколько суток, крыша дала течь, и мансарду затопило. А там находилась комната горничной Светланы Иосифовны, - она у нас пятнадцать лет работала, членом семьи стала, жила в особняке, никаких родственников не имела. Я ей велела временно поселиться в синей спальне. На следующий день Света стала кашлять. Сначала мы решили, что у нее простуда, в ход пошли мед, чай... Но домработнице делалось все хуже. Мы отвезли ее в наш центр, провели диагностику и выяснили: у нее пневмония. Через неделю, несмотря на интенсивную терапию, она умерла. Все очень переживали ее смерть. Это случилось в мае. Потом Антон, Лена и Миша уехали отдыхать, вернулись в двадцатых числах июня. И где-то через неделю к нам на пару деньков заехал Костров, старый друг Виктора Марковича, они очень давно не виделись. Вечером мы поужинали, поболтали, а утром Эдуард Львович не проснулся - инсульт. Возраст у Кострова был не юный, меня его смерть не удивила. Но неприятных эмоций мы испытали массу. Муж переволновался, ведь он и сам-то был не молод. Мы все жутко переживали из-за смерти домработницы и приятеля Виктора, а через два-три дня после скоропостижной кончины Кострова нам стали звонить знакомые. Я растерялась, потому что они несли чушь типа: «Пусть батюшка освятит ваш дом», «Позовите экстрасенса», «Запишите контакт колдуна вуду, он особняк от черной ауры очистит». Знаете, что оказалось? Некий Александр Сергеевич Пущкин в одной мерзкой газетенке написал, что в доме Шкодиных умирают люди. Пачками! Мол, в прошлом году скончалось шестьдесят пять человек. И все в страшных муках. Статью украшали жуткие снимки, не пойми где взятые. И понеслось! Что ни день, то публикация в Интернете. Это Пущкин изгаляется.

– Почему вы не обратились в полицию? – удивилась я. – Закон о клевете никто не отменял.

Луиза обозлилась.

– Первая заметка в газете была без вранья. И вторая про смерть Кострова тоже. Журналист описал то, что произошло в действительности: два человека с промежутком в несколько недель умерли в доме профессора Шкодина в одной комнате. А потом вдруг появляется публикация: «Александр Сергеевич Пушкин рад представить на суд читателей книгу «Черная аура синей комнаты». Все действующие лица и события выдуманы. Любые совпадения случайны». И далее текст: в поселке живут известный акушер-гинеколог Виктор Маркович Шкодин, его жена Луиза, тоже врач, сын Антон, гомеопат... Понимаете? Журналист использовал наши имена и фамилии, напридумывал невесть чего, книгу напечатали. Наказать его невозможно, потому что автор выдает на-гора книгу, которая, кстати, бесконечна – печатается до сих пор, каждую неделю выходит очередная глава. В последней Антон травит старушку ядом для крыс.

Луиза прикрыла глаза ладонью.

– Адвокат мне объяснил: «Писатель имеет право на фантазию. К именам героев придраться нельзя. Вон у Смоляковой в последнем романе убийца Маша Кузнецова, отвратительная девушка. И что? Теперь все Маши Кузнецовы понесут заявления в суд на детективщицу?» Сообщение о том, что вниманию читателей предлагается литературное произведение, набрано мелким шрифтом, его почти не видно, но оно есть. Остальной текст крупный. Реакция людей вам понятна? Виктор представлен монстром, который совершал ужасные преступления. Я ему под стать – убиваю новорожденных и продаю их на органы. Антон черный колдун, прикидывающийся врачом-гомеопатом, высасывает из пациентов жизнь. Нина – ведьма. Самое страшное место на земле – наша синяя комната, которая пациентов убивает... Противно все это дерьмо пересказывать. Фантазия у автора богатая. Такого насочинял! Но люди-то верят. Мы поменяли городской и мобильные номера, потому что нам стали звонить мошенники, прикидывающиеся батюшками, и за большие деньги предлагали изгнать из особняка все дурное, а также репортеры, жаждавшие взять интервью и сделать фото синей комнаты, затем, конечно, сатанисты и иже с ними, просившие разрешить им провести свой молебен в обители зла, ну и, естественно, сумасшедшие всех мастей. Мне запомнился мужчина, который умолял поселить в синей комнате его тещу, до, как он сказал, «полного результата». Любящий

зять был готов щедро заплатить за услугу.

- Откуда люди ваши телефоны узнавали? - изумилась я.

Луиза стукнула ладонью по коленке.

- Мерзавец «писатель» их в своем опусе опубликовал. Причем хитро - последнюю цифру не указал, вместо нее точку поставил. А народ быстро ее подобрал. И ведь опять негодяя нельзя за шкуру потрясти: не целиком номер дал, а лишь его большую часть.

- Ничего себе часть! - возмутилась я. - Без одной цифры.

- Я сказала Юрию Петровичу то же самое, - вздохнула моя собеседница. - Но, оказывается, это за полный номер не засчитывается. Газета отказалась дать нашему адвокату какие-либо сведения об Александре Сергеевиче Пушкине. В редакции наврали, что не знают о нем ничего, он, мол, внештатный автор, рукописи по Интернету им посылает, каждый раз с нового адреса. Ложь, конечно. Когда умер Виктор, «писатель» превратил смерть моего мужа в убийство вампира, которому вогнали в сердце осиновый кол. Когда я об этом узнала, мне, человеку в принципе мирному, впервые за всю жизнь захотелось гада-литератора придушить. Своими руками. И вот новая беда - инфаркт у Феоктистова. Как назло, они с женой были поселены в синей комнате.

- Борис, найди хозяйку! - неожиданно загремел в коридоре бас. - Всех собери в гостиной!

- Негодяй... - прошептала Луиза. - Ненавижу!

Дверь открылась, в комнату вошел невысокий худой мужчина со злым лицом. Увидев Шкодину, он сурово сказал:

- Добрый день, Луиза. Опять у тебя форс-мажор?

- Здравствуйте, Никита Робертович, - подчеркнуто вежливо и на «вы» ответила вдова. - К сожалению, у некоторых людей случаются инфаркты.

- Причину смерти выяснит эксперт, - отбил подачу полицейский. - А ты, значит, в непосредственной близости от покойника устроилась.

- Тело в ванной, - произнесла хозяйка, - вам надо сделать пару шагов влево.

- И зачем было тут сидеть? - протянул Никита Робертович. - Лучше спуститься на первый этаж.

- Не хотела, чтобы кто-то из приятелей случайно зашел сюда и перепугался, - отчеканила Луиза.

- Мы ничего не трогали, - вставила я свое замечание. - Если в ванной есть улики, то они в целости и сохранности.

- Приятно видеть женщину, которая смотрит сериалы, - схамил полицейский. - Ну как, Луиза, зарядилась возле покойного? Поймала его энергию? Или тебя сын-колдун опередил?

Шкодина встала и молча покинула комнату. Я тоже поднялась.

- Вы кто? - спросил полицейский.

- А вы кто? - повторила я его вопрос. И услышала:

- Полиция!

- Отлично. Значит, вы обязаны представиться первым, - напомнила я.

- Ступай вниз, - отдал хамский приказ представитель правоохранительных органов, - да седи там тихо. Знаю я вас, экстрасенсов, мошенников, воров, обманщиков...

Я, не говоря более ни слова, удалилась. Прошла по коридору до лестницы, трясушимися от злости руками достала сотовый и зашипела в трубку:

– Дегтярев, если ты сию же секунду не сделаешь то, о чем я тебя попрошу, более никогда в жизни не попробуешь ножку ягненка, которую запекает Оксана. Моя лучшая подруга точно для тебя готовить не станет.

Глава 7

Когда я вошла в гостиную, там шла оживленная беседа.

– Жаль, что Феоктистов умер, – вещала Виктория Ивановна.

– Настроение всем основательно подгадил, – добавил ее супруг Сергей.

– Но я все равно буду выбирать свой подарок, – продолжала Кузнецова, – и не надо думать, что это безнравственно.

– Да все нормально, – пожал плечами Анатолий. – Я видел мужа Ларисы мельком. Феоктистовы вчера сразу за мной приехали. Мы две секунды общались, я имею в виду с глазу на глаз, потом он какую-то чепухню за ужином нес, про паровоз и вагоны. Мужик в депо работал?

– Нет, Олег Федорович мастерил аксессуары для железных дорог, – уточнила Нина.

Сергей Леонидович вскинул брови.

– Я не понял. Чем он занимался?

Дочь Луизы пустилась в объяснения:

– Есть люди, которые увлекаются игрушечными железными дорогами. Феоктистов для них создавал копии вагонов, паровозов и всякого такого. У него сайт в Интернете, посмотрите, очень красивые вещи муж Ларисы делал.

– Ерундень, – поморщился Сергей, – это не мужское занятие. Кому такое надо?

– Не поверите, сколько вокруг коллекционеров, – заметил Юрий Петрович. – Феоктистов считался одним из лучших мастеров, буквально тонул в клиентах, зарабатывал много.

– Не мужское дело, говоришь? – передразнила мужа Виктория. – Может, оно и так, но деньжата он жене мужские приносил. Не то что некоторые.

– Так баба у покойного заботливая, не ленивая, наверное, и голова у нее годами не болит, – мигом начал размахивать саблей Кузнецов.

– Господа, хотите кофе? – решила купировать скандал Нина.

– Спасибо, он у меня уже в носу булькает, – отказалась Виктория Ивановна. – Долго нам тут сидеть?

– Пока полиция со всеми не поговорит, – объяснила я.

– Целый день потеряем, – огорчилась Виктория. – Дом здоровенный, надо все изучить, чтобы лучшее выбрать. Даша, вы в мебели разбираетесь?

– Не очень, – честно ответила я.

– Антикварный буфет от новодела не отличите? – пригорюнилась Кузнецова.

Я покачала головой.

– Нет.

– Да понятно же и так, что есть старье, – засмеялся Сергей. – Рухлядь облупленная, жучком погрызенная, ручек у нее нет или замок выпал.

– Сейчас искусно старят современную мебель, – объяснила Елена, – а предмет обстановки прошлых веков может быть отреставрирован и выглядеть новеньким.

– Развалины есть развалины, – возразил Сергей, – я только бегло посмотрю и сразу скажу, когда дрова на свет родились.

Нина показала на роскошный, украшенный позолотой комод черного дерева, стоящий в простенке между окнами.

– Можете назвать его примерный возраст? И кто его сделал?

– Италия, – без тени сомнения заявил супруг Виктории, – на заказ сколотили. У моего приятеля Женьки точь-в-точь такой стоит.

– Да? – удивилась Нина.

– Женя деньги метлой метет, – с завистью заметил Сергей, – я в его автосервисе мастером работаю. Ольга его решила красиво квартиру обставить, а Женек у нее под пятой. Лично мне это не нравится – не интеллигентная мебель. Такую те, кто на рынках торгует, берут. Или бабы глупые. Мне по душе простота.

– Если у вашего приятеля точь-в-точь такой комодик, то обрадуйте его, – зачирикала Нина. – Этот секретер сделал в тысяча семьсот двадцатом году Андре-Шарль Буль, краснодеревщик Людовика Четырнадцатого. Когда мама на аукционе приобрела его, он находился в плачевном состоянии. Но родители его отреставрировали.

– Дорогая штуkenция? – деловито осведомилась Виктория Ивановна.

Нина посмотрела на Кирилла, тот надул губы.

– Реальную стоимость назвать трудно, уникальный антиквариат продается через аукционы. Стартовую цену могут поставить невысокую, но она ракетой взлетит. Наоборот тоже бывает. Правда, я не специалист. Думаю, что он стоит тысяч четыреста-пятьсот. Но это предположительно.

– Полмиллиона рублей хорошо, хоть и не капитал, – заметил Анатолий.

Кирилл повернулся к нему.

– Я назвал цену в долларах.

Кузнецова ахнула.

– Не фиговый комодик... А ты, Сергей, дудел: «не интеллигентный»... За такие деньжищи и дерьмо сладким покажется. И много у вас таких, Пулей сделанных?

– Фамилия мастера Буль, – поправила Нина. – Нет, всего один.

Виктория подошла к секретеру, который я сначала посчитала комодом, и похлопала его рукой.

– Зарезервируйте это пока за мной.

– Здесь не магазин. Мы ничем не торгуем, скидок не делаем, товар не резервируем, – отчеканил Кирилл. И продолжил, явно разозленный: – Не понимаю, какая муха укусила Виктора Марковича, у него вроде не было признаков малярии. Почему он вдруг решил сделать подарки людям, о которых семья никогда не слышала? И все же мы выполним последнюю волю покойного. Нравится комод? Унесите. Никто вам слова поперек не скажет. Но не стоит вести себя здесь так, словно вы барыня, а мы холопы-приказчики. И, кстати, вы вспомнили, как помогли Виктору Марковичу в указанный им день?

Поджав губы, Кузнецова отвернулась к окну.

– Нет? – ехидно уточнил зять покойного. – Вот и нечего рассчитывать на секретер Андре-Шарля Буля. В завещании четко сказано: подарок получит только тот, кто расскажет, как помог Шкодину.

– Трудное условие, – вздохнула Елена. – Виктор Маркович поставил перед людьми, на мой взгляд, невыполнимую задачу. Я вот помню только прошедшую неделю, да и то не всю.

– Надо отталкиваться от значительных событий в жизни, – посоветовал Анатолий. – У меня дата пятнадцатое октября. Я посмотрел в Интернете вечный календарь. Это не выходной, значит, я ходил на работу.

– Вечный календарь? Что за штука такая? – полюбопытствовала Виктория Ивановна.

– Таблица, по которой можно определить день недели за любой год, – ответила Нина.

– Впервые слышу о таком, – удивился Сергей Леонидович.

– Да ты вообще ничего не знаешь, – огрызнулась жена.

– Точнее, была пятница, – задумчиво продолжил Анатолий. – Теперь включаем логику. Раз не выходной, то я был на службе.

– Гениально, – хихикнула Кузнецова. – И что дальше?

– Надо еще поразмышлять, – признался Плотников. – Дарья, а с кем вы упорно переписываетесь? Кому безостановочно эсэмэски посылаете? Пользуетесь тем, что вашего мужа нет рядом, и с кем-то секретничаете?

– Особых тайн от Феликса у меня нет, – спокойно ответила я, – а общаюсь я с дочерью. Если она пришлет нужное фото, я точно буду знать, чем занималась шестого сентября девяносто девятого года.

– Да ну? И как вам это удастся? – удивилась Нина.

Я улыбнулась.

– Большую часть жизни я получала маленькую зарплату – преподавала французский язык в непопулярном институте, который давно прекратил свое существование. Двое детей, алиментов нет, надо было научиться грамотно распределять бюджет. А у меня это никак не получалось, вечно я оказывалась в минусе. Потом купила в метро на лотке брошюрку «Как жить без долгов» и кое-чему научилась. Начала тщательно записывать все свои расходы, причем подробно. Через месяц стало понятно, где у меня дыры: то поход в буфет с коллегами, то покупка какой-нибудь керамической собачки. Я перестала бегать пить кофе, стала проходить мимо милых пустыков – вроде ерунда, а денег прибавилось.

– Очень обидно смотреть, как другие ходят пирожки лопать, а ты остаешься, потому что нищая, – пожалела меня Лена. – И фарфоровую фигурку иногда до слез хочется.

– Записи мои сохранились, – продолжала я. – Не знаю, почему не выбросила их. Маша найдет нужную страничку, и кое-что прояснится.

– Свезло вам, – позавидовала Виктория Ивановна. – А мне самой придется мучиться. Ума не приложу, чего четырнадцатого октября происходило?

– Хотите комод? – прищурился Кирилл. – Вспоминайте.

– Ой, как хорошо, что я живых людей увидела, – застрекотал в комнате незнакомый тоненький голосок. – Вошла в дом – никого. Стала звать хозяина или домработницу, снова тишина. Прямо испугалась: вдруг что плохое случилось? А вы тут сидите уютненько. Здравствуйте! Я Вера Хватова.

Я обернулась и увидела невысокую старушку с круглым лицом, в дорогом светло-сером платье с принтами в виде разноцветных обезьянок.

Я не принадлежу к числу женщин, которые носят вещи исключительно из новых коллекций известных во всем мире модельеров, но это платье я узнала сразу. Потому что одна из близких подруг Маши Кристина, которая служит байером, то есть закупщиком коллекций для самого большого магазина Москвы, недавно приехала в Ложкино и, показывая нам с Манюней каталоги, запричитала: «Оно понятно, вдохновение, творческий процесс. Но, ей-богу, модельерам надо и о продажах думать, когда их фантазия несется по кочкам. Лина Экзিনি известный бренд, хорошо продается, и вот полюбуйтесь, что она учудила, – сделала весенне-летнюю коллекцию всю в обезьянках. Юбки, блузки, платья, купальники, то есть все буквально в принтах, ни одной вещички без них. Ну и кто это на себя наденет, а? Учтите, меньше чем за семьсот евро у Экзিনি ничего не найти». И вот сейчас передо мной стоит живой ответ на вопрос Кристи: это надела Вера Хватова. И у пожилой дамы не только платьишко, а еще и туфельки, и сумочка из той же серии. Она или фанатка мартышек, или преданная поклонница Экзিনি.

– Вера Хватова? – повторил Юрий Петрович. – Рад вас видеть. Мы ждали вашего приезда еще вчера.

- У меня сплошные приключения! - затараторила модница. - Сначала я искала документы на машину. Хорошо помню, что положила их в прихожей, а нет их, и все. Потом на трассе колесо лопнуло...

- Можете расходиться, - громко заявил Серапионов, входя в гостиную.

- Нас не будут допрашивать? - обрадовалась Виктория Ивановна.

- Нет, - сердито буркнул Никита Робертович, - приношу вам свои извинения за причиненные неудобства.

Затем полицейский развернулся и исчез из вида.

- Странно, - пробормотала Нина.

- Более чем, - согласилась Лена. - Может, он заболел?

- Здесь гостей допрашивают? - опешила Вера. - Ну и ну! Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит? Я получила письмо от адвоката... оно у меня в сумочке...

- Не трудитесь, Вера Львовна, - остановил ее Юрий, - я тот самый адвокат, сейчас введу вас в курс дела.

- Мама! - обрадовалась, глядя на дверь, Нина. - Ты где была?

- Лекарство от головной боли искала, - ответила Луиза, только что вошедшая в комнату. - Серапионов уехал?

- Да, да, - сказал Кирилл. - Представляешь, хоть и сквозь зубы, но извинился перед нами. Что случилось?

- Я сама в шоке, - пожала плечами хозяйка дома. - Ему при мне позвонило начальство и так заорало в трубку, что на всю комнату слышно было: «Охренел? Немедленно оставь Шкодиных в покое! Забыл, кто ты нынче есть?» И дальше много разных слов в адрес нашего милейшего Никиты Робертовича, из-за

несносного поведения которого его шефу звонил начальник с самой высокой колокольни и основательно тому вломил.

Нина улыбнулась адвокату.

– Спасибо, Юрий Петрович. Я уж расстроилась, решила, что Серапионов сейчас на наших костях попляшет.

– Был бы рад помочь, Нинуша, но я никоим образом не поспособствовал скорейшему исчезновению Никиты Робертовича, – пояснил Горюнов. – Только думал, кому позвонить можно, чтобы его в чувство привели.

– Я тоже считала, что это ты, – удивилась Луиза, – поэтому принесла из кладовой твое любимое вино, хотела налить бокальчик, поднять тост за благополучное избавление от противного мужика.

– Значит, не попробовать мне винца? – делано огорчился юрист.

Луиза поставила бутылку на стол.

– Кирилл, вытащи пробку.

Зять открыл ящик буфета.

– И где штопор?

– Слева, – подсказала Нина.

– Нету, – возразил муж.

– Сейчас найду, – пообещала жена и приблизилась к Кириллу. – Интересно, кто настучал на Серапионова? У кого такие связи в полицейских верхах? У нас там никого нет, не наша тусовка. Одним словом, дорогие гости, спасибо тому из вас, кто сделал доброе дело. Но, может, признаетесь, кто тут волшебник Мерлин? Попрошу, чтобы ему сегодня к чаю испекли шоколадный торт.

– Связями не обладаю, но сладкое обожаю, – заявила Виктория.

Анатолий скривил губы.

– Я человек маленький, без влиятельных знакомых. Подальше от царей – голова целей. И мне полицейские в друзьях не нужны. Они подлые – сегодня улыбаются тебе, а завтра прикажут голову отвертеть, причем выполнить приказ сразу.

Кирилл направился в мою сторону.

– Дарья...

– Где Феликс? – засуетилась я. – Кто-нибудь видел моего мужа?

– Он пошел в библиотеку, – объяснила Нина.

– Раз полиция умелась и все хорошо, пойду искать подарок, – оживилась Виктория. – Луиза, а у вас есть опись имущества? Подробная, с указанием, что сколько стоит.

– Нет, – после небольшой паузы ответила хозяйка. – Как-то не приходило в голову ее составить. Есть каталог картин, но в него внесены только те полотна, которые вам брать нельзя.

– И как понять, дорогая штука или дешевка? – огорчилась Виктория Ивановна.

– Можете спросить у меня, – предложила хозяйка дома.

– Слушаю вас и ничего не понимаю, – расстроилась Хватова.

– Сейчас объясню, – оживился адвокат, – давайте сядем вон в те кресла у камина и поговорим тет-а-тет.

В моем кармане пропищал мобильный. Я вынула трубку и увидела эсэмэску от Манюни: «Мусик! Посылаю фото за 5 и 7 сентября. За шестое ничего нет. Странно, что ты ничего не записала. Но 5 и 7 кое-что объясняют: думаю, это был

день свадьбы Мартыновых, мы уезжали в Истру. Совпадает с возрастом Ани, ей семнадцать. Помнишь, как мама Евгения на невесту за большой живот злилась? Анютка родилась второго ноября 1999 г.». Я начала изучать снимки. Шестое число. Понедельник. Пусто. А вот пятого записано: «Три билета на электричку, столько же на автобус. Деньги в конверт. Букет». И седьмого интересное сообщение: «Колготки Маше, рентген в больнице».

– Судя по вашему лицу, вы узнали нечто интересное? – спросила Луиза, подходя ко мне.

Я оторвалась от чтения.

– Никогда не понимала, с какой целью люди ведут дневники. Сама-то просто записывала расходы, чтобы знать, куда деваются деньги. Но сейчас прочитала старые записи, которые много лет не просматривала, и все ясно вспомнилось.

События тех дней в самом деле вспомнились. Моя одноклассница Галя Мартынова, бывшая на последних месяцах беременности, выходила замуж за своего однофамильца Николая. Жених и его мать изо всех сил отговаривали Галку от пышной церемонии. Свекровь сладко пела:

– Лучше подождать, пока ребеночку год исполнится, тогда можно и пир закатить, купить белое платье. А как ты свадебный наряд с таким пузом нацепишь? И денег сейчас больших нет, подкопить надо. Распишитесь потихому, и ладно.

Но Галя стояла на своем. Мне она так объяснила свою настойчивость:

– Если я сейчас не погуляю, то не видать мне пышной свадьбы, через год точно ничего подобного не устроим. Просто надену наряд в форме трапеции, и дело с концом. Хочу красивую церемонию и получу ее. Деньги мне на работе в долг дают. Гостей попрошу подарки не покупать, лучше пусть вручат сумму в конверте. Народу зову много, бабок принесут достаточно, чтобы мне с бухгалтерией расплатиться.

Пятого вечером мы с Аркадием и Машей доехали на электричке до Истры, я там купила букет. Деньги в конверте лежали в сумке. На вокзале мы сели на автобус и покатали в деревню Зайцево на родину жениха. Ночевали в бане. Там много

народу спать положили, гости съезжались заранее. Шестого гремел сам праздник, седьмого он продолжался. Еды было завались, выпивки залейся, все гости сильно захмелели. На второй день рано утром дети приехавших гостей, а их оказалось много, вместе с деревенскими одногодками затеяли игру в прятки. Маша уже училась в школе, я ее за руку не держала, да и не ожидала в Зайцеве никакой опасности – не Москва же, маленькая деревенька, где все друг друга хорошо знают. Маруся решила получше спрятаться и полезла по приставной лестнице на чердак. Но упала, повредила ногу. Да так сильно, что сама идти не могла. Спасибо, кто-то из гостей собирался в Москву – третий день гулять не хотел, решил на второй смыться, – нас довели до больницы. Полиса Маши у меня при себе не было, поэтому пришлось платить за рентген и прием у врача. Перелома не обнаружили, только сильное растяжение. Назад мы ехали на такси.

Надо же, как интересно все обернулось: я думала, расходы фиксирую, а получилось, что события жизни записывала. Ну что ж, вот потеряю лет в сто память, стану свои заметки перечитывать, и все оживет.

О, еще один нюанс! Через некоторое время мне пришла посылка, для ее получения понадобился паспорт, а его нигде не было. Обыскали весь дом, не нашли. Потом Маша вспомнила, что я отдавала его в регистратуру клиники – на пострадавшую карточку завели, потребовали паспорт матери. Я помчалась рысью в больницу. Меня там, как водится, по кабинетам погоняли, но в конце концов отдали удостоверение личности, правда, потребовали заплатить за его хранение. Ну-ка, сейчас проверю свою память...

Я вынула мобильный и начала писать Маше.

– Спасибо вам, – шепнула Луиза.

Я удивилась.

– За что? Подскажите, как пройти в библиотеку, хочу с Феликсом поговорить.

Шкодина открыла дверь в коридор.

– Нам налево. Запутаться тут трудно, дом просто спроектирован, но я все равно провожу вас. Когда Витя затеял строительство, я хотела, чтобы здание было с башенками, такая стилизация под замок – мечтала почувствовать себя

принцессой. Ну чего ждать от юной глупышки? Виктор тогда посмеялся, а затем возвел красивый эlegantный особняк без подземелий, скрытых ходов, потайных комнат и всего того, о чем грезила молодая жена. Спасибо вам за звонок Дегтяреву. Ваш близкий друг большой человек в структуре МВД.

Глава 8

- Вы наводили справки о гостях? - улыбнулась я, выходя из гостиной. - Правильно, не стоит пускать в дом абы кого.

- Прогуглили всех, - призналась Луиза. - Вернее, это сделал Кирилл. Мы не собирались нарушать волю покойного, но решили: если гость окажется человеком неблагонадежным, поселим его в местном отеле.

- В деревне есть гостиница? - удивилась я.

- Да, и совсем недорогая, - сказала Луиза. - Но там чисто, номера приличные, хотя, конечно, это не «Георг Пятый». Сюда приезжает много туристов - неподалеку монастырь, очень старый, не действующий, но церковь открыта, в ней есть чудотворная икона. Можно постоять на службе, а потом принять участие в экскурсии по обители, она прекрасно сохранилась. Вас сводят в два скита, расскажут местные байки о чудесных исцелениях тех, кто искупался в монастырском источнике и воды из него попил. Но самое интересное - подземное захоронение монахов. Их упокаивали под собором, первые склепы вроде в тысяча четыреста каком-то году обустроили. В прошлом веке монастырь закрыли, тогда многие обители погибли, но почему-то оставили действующую церковь. Прихожане и батюшка за монастырскими постройками присматривали и до сих пор за ними следят. Часть зданий в хорошем состоянии, другая, увы, развалилась. Сейчас местные бизнесмены пытаются добиться восстановления обители, хотят, чтобы сюда приезжало больше туристов. Пока что тут две гостиницы. Одна приличная, я о ней говорила. Вторая - просто огромная комната с двухэтажными кроватями. Матрас, подушка и одеяло есть, а белья нет, удобства во дворе. Переночевать там стоит двадцать рублей. Ну и два кафе есть. Одно гордо называется «Маленькая Италия», а второе угощает гречневой кашей, хлебом и чаем. Тут опять же вопрос цены - немудреный обед стоит дешево, любой старушке по карману. Думаю, вашему мужу будет интересно

посмотреть на подzemелье со склепами.

– Я тоже не прочь там побывать, – сказала я, – сейчас попробую Феликса от книг оторвать. Правда, это весьма сложная задача. До которого часа можно на экскурсию попасть?

– Точно не скажу... – протянула Луиза. – Лучше спросите в церкви, где торгует свечами баба Катя, она все объяснит. Но вам же надо выбрать подарок от Виктора Марковича, лучше походите по дому.

Я остановилась.

– Знаете, Луиза, чем дольше я думаю о ситуации с завещанием, тем яснее понимаю: произошла какая-то нестыковка. Виктор Маркович меня с кем-то перепутал. Шестое сентября девяносто девятого года я провела на деревенской свадьбе.

– Витя мог находиться среди гостей, – без особой уверенности предположила вдова. – Вдруг он какой-то дальний родственник жениха-невесты? Вы видели его, сделали ему что-то хорошее и забыли напрочь обо всем. Может, Виктор Маркович пошел купаться, стал тонуть, а вы кинулись в воду и спасли его?

Мне стало смешно.

– Такое геройство из памяти не выпало бы. Маленькая деталь: около деревни Зайцево никакой реки нет. И еще. Галя Мартынова, как и я, воспитывалась бабушкой, ее родители умерли. Со стороны Галки на той свадьбе присутствовали я с детьми, Оксана Глод и Ксюша Ткач, мы все много лет дружим. Более никого из близких невесты не было. А вот у жениха набралась куча родственников из провинции, в основном из какого-то города за Уралом. Приятные люди, но простые. Мы с Оксаной и Ксюшей чувствовали себя среди них не то что белыми – рыжими воронами. Присутствующие произносили слова, которых мы не понимали – местный диалект. Они вспоминали какие-то давние семейные истории, смеялись, а мы были совершенно чужими на этом празднике. Виктор Маркович в девяносто девятом, наверное, уже имел звание доктора наук?

– Да, – кивнула Луиза. – Он был профессором и академиком.

– Госпожина Шкодина я бы непременно заметила, – договорила я. – Полагаю, лучше нам с Феликсом потихоньку уехать отсюда.

– В завещании четко указано: если кто-то из получателей подарка отправится домой, не взяв презент, остальные тоже их лишатся. Эти люди очень расстроятся, – напомнила Шкодина и остановилась у резной двустворчатой двери.

– Феоктистов умер, – возразила я, – значит, всем надо разъезжаться.

– Почему?

Вопрос вдовы меня удивил.

– Наверное, Лариса захочет уехать.

– Нет, она решила остаться, – возразила Луиза и толкнула створку.

Маневин стоял около стеллажа, я подошла к нему и предложила:

– Давай прогуляемся по окрестностям? Здесь есть старый монастырь с подземными захоронениями.

Но муж не слышал меня.

– У Виктора Марковича потрясающая библиотека. Вот, например, эта книга. Я за ней безуспешно лет десять гоняюсь. Автор Курт Венцель известен своими радикальными взглядами и эпатажными научными работами. Его труд «Немцы не существуют» вызвал бурю негодования в Германии. Венцель в детстве уехал в Америку, учился там, работал. А потом решил доказать, что немцев нет. И никогда не было. Видишь ли, основу формирования немецкого этноса составляли такие германские племена, как алеманны, бавары, франки, саксы, лангобарды, маркоманы, готы, швабы, и другие, заселившие в Средние века территорию нынешней Германии. После раздела в восемьсот сорок третьем году Франкской империи...

Я кашлянула.

– Милый!

– Образовалось Восточно-Франкское королевство, – продолжал, будто не слыша меня, Маневин, – с десятого века оно стало Тевтонским...

Я повысила голос:

– Дорогой!

Феликс осекся.

– Ты что-то спросила? Какие-нибудь сложности в восприятии излагаемой мной информации?

– Ты прекрасно объясняешь суть предмета, за что тебя обожают студенты, – нежно пропела я, – но вернись на некоторое время в двадцать первый век и ответь: книга этого Курта тебе нужна?

В глазах мужа вспыхнул огонек.

– Да! Если госпожа Шкодина разрешит... хотя мне крайне неудобно просить о такой большой услуге... если только это возможно... я бы сделал ксерокопию. Очень аккуратно. Оригинальное издание не пострадает.

Мне стало смешно. Феликс сейчас был похож на маленького мальчика, стоящего у витрины игрушечного магазина и с замиранием сердца взирающего на вожденную машинку. Я взглянула на Луизу, которая изо всех сил удерживала на лице серьезное выражение.

– Скажите, книга считается подарком?

– Конечно, – кивнула хозяйка.

– Тогда это мой выбор, – объявила я. – Если только вы не против. Заверяю вас, что издание попадет в прекрасные условия. Его будут листать только чистыми руками, а загибание страниц мой муж приравнивает к смертным грехам.

– Если том не находится в особом шкафу, о котором идет речь в завещании, то вы можете получить любую книгу, – заверила Луиза.

– В том шкафу ерунда, – отмахнулся Феликс. И тут же спохватился: – Пардон, я неправильно выразился. Я имел в виду, что в шкафу находится не научная литература, а беллетристика. И удивляет полный беспорядок на полках.

– На мой взгляд, там все аккуратно, – заспорила Луиза, – пыли нет, тома стоят по порядку, ни один не лежит сверху, не перевернут. Виктор Маркович обожал свою библиотеку.

– Это сразу видно, – согласился Маневин, – вон в той тумбе каталог. Он тщательно составлен, глаз радуется на карточки смотреть. Но в каждом собрании есть своя логика. И здесь в этом смысле все очень хорошо. Есть разделы – философия, история, археология, биология, медицина, причем справочник болезней не находится рядом с трудами Платона, а анатомический атлас не помещен возле сборника статей о раскопках в Египте. Теперь же посмотрим на шкаф: сказка, задачник по математике, любовный роман, пособие для поступающих в вузы, альбом с выкройками... Все вперемешку! И зачем Виктору Марковичу выкройки юбки? Профессор был шотландец?

– Конечно нет, – фыркнула Луиза, – он родился в России.

– Можно появиться на свет в Москве от родителей шотландцев, быть гражданином России, но по крови иностранцем, – парировал Маневин. – Господин Шкодин носил килт? Может, он хотел научиться шить национальную одежду? В противном случае я не понимаю, зачем ему выкройки. А сам шкаф очень красив. Но опять я в недоумении. Почему на полке стоит портрет авантюриста Джакомо Казановы, чье имя стало нарицательным как любителя женщин? На нем сверху написано «Amabilis insania», что в переводе с латыни означает «отрадное безумие». Похоже, господину Шкодину нравился Казанова. Вон на стене еще один его портрет. И что интересно: у ряда книг бритвой очень аккуратно вырезан чистый лист, который идет сразу за обложкой. Туда бы хорошо поставить экслибрис, но он размещен на другой странице.

- Я не изучала пристально библиотеку мужа, - призналась Луиза. - Я читаю в основном развлекательную литературу - очень устаю на работе, мозгу требуется отдых. Про Казанову никогда его не спрашивала. Даша, вы берете книгу?

- Да, - подтвердила я.

- Прекрасно, - обрадовалась хозяйка дома. - Осталось подождать, когда остальные определятся.

Я сделала еще одну попытку сбежать из коттеджа.

- Теперь мы можем вас покинуть?

- Обед в шесть, - предупредила Луиза. - До монастыря близко, два километра по тропинке.

- Я хотела уехать совсем, - уточнила я.

- Дашенька, - пропела вдова, - в завещании есть еще один пункт: после того как все определятся с презентами, каждый должен рассказать, какое доброе дело он совершил, иначе подарка не получит.

- Сегодня погода плохая, - начал сопротивляться мой муж, - снег, слякоть.

- На дворе тепло, как летом, - возразила я.

- Можно я еще чуть-чуть посижу в библиотеке? - взмолился Маневин. - Тут столько интересного.

- Ну ладно, - смилостивилась я, - без тебя пройду. Но завтра отправимся на прогулку вместе. Обещаешь?

- Угу, - промычал мой профессор, не отрывая взора от стеллажа, уходившего под потолок. - Здесь есть лестница?

- Была, - неуверенно произнесла хозяйка, - вернее, она должна тут находиться.

Луиза взяла с письменного стола трубку и набрала номер. Я услышала звонок и удивилась: откуда долетает звук?

– Алло, Борис, куда подевалась лестница из библиотеки? – сурово начала Шкодина. – Я тут...

Из коридора раздались шаги, в библиотеку вошел Борис.

– Луиза Ивановна, ее позаимствовал Антон Викторович, – доложил управляющий.

– Зачем она ему? – насупилась вдова.

– Четкого ответа не дам, – смутился Борис. – Антон Викторович просто велел принести ее к нему в кабинет.

– Очень не люблю, когда в доме беспорядок, – укорила Бориса Луиза, – у каждой вещи должно быть свое место. Принеси господину Маневину лестницу из гардеробной синей комнаты. А потом, когда Антон велит забрать у него библиотечную стремянку, вернешь лестницу обратно.

Глава 9

Оставив Феликса рыться на полках, я вышла в коридор, двинулась по направлению к выходу из дома и была остановлена воплем:

– Стойте!

Я обернулась – ко мне со всех ног неся Степан. Поравнявшись со мной, он задал вопрос:

– Ты блондинка?

Я редко теряюсь, когда люди ведут себя странно, но сейчас на секунду опешила. А потом спокойно ответила:

– Добрый день. Вас интересует цвет моих волос? Саша Никандров, мой колорист, называет этот оттенок «луч света ранней осенью». Но он поэтическая натура, обычные люди считают меня блондинкой.

– Крашенная... – разочарованно протянул Богатов. – Вот бабы! Тьфу на вас прямо! Сплошной обман – волосы не свои, сиськи резиновые, в задницу фигня вшита, лицо переделано. И зубы небось пластмассовые. И как понять, какая ты от природы?

Я опять растерялась. Нет, мне попадались на жизненном пути и грубияны, и хамы, и завистники, и люди, которые говорили: «Сейчас скажу тебе правду, но это исключительно ради твоего блага», а затем вываливали inferнальные гадости. Со всеми этими экземплярами я была энное время знакома, сейчас же передо мной был человек, с которым я беседовала впервые. И как реагировать на его поведение? Я молча смотрела на побагровевшего бизнесмена, продолжавшего негодовать на весь женский пол.

– Клянутся тебе в любви, а тайком привороты-присушки делают. Замуж выйдут и давай деньги тянуть. Все им мало! Сообразят, что муж не все их фокусы оплачивать собираются, и к колдунам бегут. А я в списке Форбс давно, обеспечен, упакован, у меня есть что откусить. Ну да, я богат. Очень! Я олигарх!

До меня донеслось тихое покашливание. Посмотрев чуть правее, я увидела Антона, который вертел указательным пальцем у виска и старательно кивал. Я попятилась. Спасибо, конечно, гомеопату, дававшему мне понять, что у Богатова съехала крыша, но лучше бы Антону увести агрессивного господина и запереть его до приезда санитаров из психиатрической клиники.

Травник тронул пациента за плечо.

– Степан Андреевич, думаю, госпожа Васильева вас неправильно поняла.

– Я русским языком спросил ее: «Ты блондинка?» – заорал денежный мешок. – Как еще эти слова истолковать можно? Не по-китайски пищал!

Антон склонил голову к плечу.

- Дарья, Степан Андреевич сильно нервничает, поэтому...

- А ты бы как себя вел? - заревел Богатов. - Жена меня в гроб вогнать решила. Мария Алексеевна увидела, как фото покойнице в руки дали. Теперь отнять надо.

Антон подошел ко мне.

- Дарья, понимаю, у вас свои планы, но, пожалуйста, уделите нам десять минут.

- Ладно, - согласилась я. - Собственно, никаких особых планов я не строила, хотела в монастырь на экскурсию сходить.

- О! Туда нельзя! - заорал Степан. - Там чернота висит! Она может навредить тебе!

Я опять отступила к стене, Антон обошел олигарха и взял меня под руку.

- Даша, Степан Андреевич...

- Убить меня решил? - заскрипел зубами Богатов. - Что я тебе про отчество говорил и «выканье»?

- Простите... то есть прости, - извинился гомеопат. - Даша, Степан хотел спросить: «Вы натуральная блондинка?»

- Да, - кивнула я, - именно так. У меня классическая внешность: светлые волосы, голубые глаза, тонкая кожа цвета однопроцентного молока. Глупость, отсутствие логики и неспособность выучить простые арифметические действия прилагаются в комплекте.

Антон рассмеялся.

- Цвет волос на ум не влияет. А наличие чувства юмора говорит о вашей незаурядности.

- В школьном возрасте у меня были пепельные волосы, - разоткровенничалась я, - парадоксальным образом они с возрастом не потемнели, наоборот, стали к тридцати годам почти белыми. Близкие подруги знали, что я не крашусь, но дальние знакомые наперебой советовали: «Прекращай осветляться. Блондинка цвета майонеза выглядит ужасно». В конце концов все мне так надоело, что я стала тонировать волосы в пшеничный оттенок. А теперь объясните, зачем Степану Андреевичу...

- Только не отчество! - взвыл олигарх.

- Зачем ему понадобилось выяснять, что я делаю с волосами, - договорила я.

- Давайте зайдем в кабинет, - попросил гомеопат. - Я смотрю, вы щуритесь. Голова болит?

- Есть немного, - призналась я, шагая за Антоном по коридору.

- Мигренями страдаете? - продолжал доктор.

- Верный диагноз, - согласилась я.

- Лечитесь?

- Давно перестала.

- Потому что ничего не помогает, даже вальтацин?

- Опять в точку, - подтвердила я.

- Во время приступов забиваетесь под одеяло и трое суток проводите в постели?

- Нет, только сутки. На следующее утро, как правило, мне становится легче, - вздохнула я.

- Легкая форма.

- Ничего себе! – подскочила я. – Мне ужасно плохо!

- Двадцать четыре часа не так уж много.

- Когда болит у другого, всегда кажется, что время летит быстро, – вздохнула я. – Однако не хочется, чтобы мигрень мучила меня у вас в гостях.

- Не разрешу ей безобразничать, – улыбнулся гомеопат и открыл дверь. – Проходите, садитесь. Сейчас помогу вам.

Я осторожно опустилась на диван, думая про себя: «Добрая мигрень, сделай одолжение, не затевай военные действия, подожди, пока я вернусь домой». Да только, похоже, моя гадкая «подруга», как всегда, заявила в самый неподходящий момент.

Антон протянул мне одноразовый стаканчик.

- Вкус не очень приятный, пейте залпом.

- Что это? – предусмотрительно осведомилась я.

- Средство от мигрени, – пояснил сын Луизы. – Через некоторое время после приема – когда именно, точно сказать не могу, у всех это по-разному работает, в среднем где-то минут через десять-пятнадцать – вам станет очень жарко. Прямо огонь по жилам побежит. Не пугайтесь, это действие настойки. Потом головная боль исчезнет и долго не появится. Ну, не бойтесь! Смелее!

И как отказать врачу, который хочет тебе помочь? Сказать: «Извините, у меня аллергия на травы»? Но на какие? Антон поймет, что я не верю в действенность его снадобья, и обидится. Неприлично обижать тех, кто любезно пригласил тебя в гости. Но пить неведомую дрянь нет желания. И сомневаюсь, что гомеопат может задушить мою мигрень. Как поступить?

Воспитание бабушки Афанасии Константиновны взяло верх над эмоциями. Я одним махом осушила стаканчик и передернулась.

- Фу-у!

Антон развел руками.

– Извините, сделать лекарство с приятным вкусом невозможно. Теперь ложитесь на диван.

– Лучше я посижу, – заспорила я.

– Доктора надо слушаться, – мягко улыбнулся Антон. – Вот вам подушка под голову, ноги пледом прикрою. А теперь скажу, какая у нас со Степаном к вам просьба.

Из уст врача полился рассказ, которому я сначала внимала спокойно, а потом еле удерживаясь от смеха.

...Степан, мальчик из малообеспеченной семьи, воспитанный одинокой мамой, которая работала поварихой в больнице, с ранних лет мечтал стать богатым. Ему было нелегко питаться тем, что Ольга Ивановна приносила домой из кухни клиники.

– Ешь котлету, пюре, – приказывала она, – все свежее, сегодня готовила.

Любящий сын, не желая огорчать мать, ковырял вилкой рубленый бифштекс. Он знал, что мамочка не берет объедки, не собирает то, что отказались слопать больные. Нет, Ольга Ивановна откладывает харчи для любимого сына до того, как их повезут раздавать пациентам. Но ощущение, что он ест из мусорного ведра, преследовало Степу. И обноски, которые ему отдавали от своих детей разные люди, его не радовали. Каждое утро он просыпался и всякий вечер засыпал с одной мыслью: «Хочу много, много денег». Не надо думать, что Богатов просто мечтал о капитале. Он тщательно продумал план своей жизни. Например, в двенадцать лет понял, что золотая медаль откроет ему двери МГУ, иначе шансов получить высшее образование нет, а без диплома университета его возьмут лишь на неквалифицированную работу, и тогда он будет кормиться при больничной кухне всегда.

Оцените трудолюбие мальчика, который, несмотря на отсутствие репетиторов, смог-таки получить заветную медаль, попасть на престижный факультет и получить диплом с отличием. Наверное, ангел-хранитель парня впечатлился

успехами подопечного и попросил Господа уважить мольбы Степы. Иначе как объяснить, что в двадцать четыре года вчерашний студент вдруг стал торговать... гвоздями. Спустя короткий срок молодой человек разбогател, довольно быстро стал монополистом на рынке скобяных товаров и инструментов, сейчас Богатов уверенно им рулит. Он продает как мелочовку, вроде винтиков-шурупов, молотков, так и запредельно дорогие станки, которые выпускают в единственном экземпляре и только под заказ.

Заполучив немереный капитал, Степа радовался, как ребенок, который нашел под елкой вожделенный игрушечный паровозик, и тратил деньги с восторгом: купил огромный дом, яхту, одел-обул маму, навесил на нее бриллианты размером с кирпич, ел-пил-веселился с девушками. Спустя лет пять безостановочный фейерверк начал его утомлять, Степан задумался о семье и стал подыскивать жену. Ольга Ивановна к тому времени бросила кашеварить на больничной кухне и заинтересовалась нетрадиционной медициной. Матушка пошла на курсы экстрасенсов, там у нее открыли третий глаз и объявили, что она белая колдунья.

Умный, хитрый, безжалостно уничтожающий конкурентов бизнесмен Богатов в личной жизни остался маменькиным сынком. Ольгу Ивановну Степа слушался, как в детстве. Бывшая повариха, женщина далеко не глупая, Ольга прекрасно понимала: лезть со своими советами в бизнес сына нельзя, а вот дома Степochкой можно и нужно управлять. Ольга Ивановна обожала сына безмерно, и ее любовь никак не зависела от того, что отпрыск зарабатывает теперь деньги грузовиками. Как и в бытность Богатова нищим студентом, мать испытывала к «заиньке» безграничную нежность.

Ольга Ивановна никогда не говорила плохого слова о красавицах, которые крутились вокруг ее сына, она всегда желала ему счастья, но как-то само собой выяснялось, что все кандидатки в невесты алчные особы, их интересует исключительно кредитка Богатова. Однако Степану все же удалось жениться. Правда, во время пышной свадебной церемонии случилось несколько неприятных событий: на улице перед загсом, прямо у входа, перед женихом и невестой пробежала черная кошка, в зал регистрации каким-то образом влетел обычный серый голубь и нагадил жениху на пиджак, в ресторане, куда новобрачные вошли под звуки бравурной музыки, треснуло гигантское зеркало. Гости начали перешептываться. Ольга Ивановна живенько смоталась в ближайшую церковь, принесла бутылки со святой водой и окропила ею всех и вся. Однако через пять месяцев Степан развелся...

Плавный рассказ гомеопата прервал храп. Я скосила глаза и перебила врача:

– Ваш подопечный заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/drugaya-zhizn-oborotnya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)